

В Е С Ь Р О Л И Н С

РДЖЕЙМС РОЛЛИНС

КРЕБЕККА
АНТРЕЛЛ

НЕВИННЫЕ

Джеймс Роллинс
Ребекка Кантрелл
Невинные

Серия «Весь Роллинс»

Серия «Орден сангвинистов», книга 2

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40598279

Невинные: Эксмо; М.; 2015

ISBN 978-5-699-80672-0

Аннотация

После того как Кровавое Евангелие было явлено людям, Орден сангвинистов перешел к следующему этапу, предначертанному в Священном Писании от Христа. Троица спасителей – Рун Корца, Джордан Стоун и Эрин Грейнджер – должна отыскать Первого Ангела, который принесет людям вечный мир. Однако им противостоит некто, имеющий совершенно иные планы на будущее человечества. Ему тоже нужен Первый Ангел – но чтобы устроить конец света; ибо сказано в Писании, что только в конце времен свершится возвращение Христа в мир. Он мечтает вернуть на землю Мессию, которого когда-то предал, и избавиться наконец от страшного «дара» бессмертия. И имя творцу грядущего Апокалипсиса – Иуда Искарот...

Содержание

Часть I	23
Глава 1	23
Глава 2	37
Глава 3	49
Глава 4	53
Глава 5	61
Глава 6	82
Глава 7	98
Глава 8	117
Глава 9	125
Глава 10	132
Глава 11	142
Часть II	157
Глава 12	157
Конец ознакомительного фрагмента.	172

Джеймс Роллинс, Ребекка Кантрелл Невинные

© Филонов А.В., перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

*От Джеймса: Кэролин Маккрэй – за подаренное
вдохновение, ободрение и безграничную дружбу*

От Ребекки: моему мужу, сыну и кошке Твинкл

*Вот, Бог принял вашу жертву от рук
священников, то есть служителей заблуждения.*

Евангелие от Иуды 5:15

*Лето 1099 года от Рождества Христова
Иерусалим*

Голоса гибнущих возопили к пустынному солнцу, и белые, как кость, персты Бернарда стиснули висящий на шее крест. Прикосновение освященного серебра опалило его мо-

золистую от меча длань, отпечатавшись на окаянной плоти, будто тавро. Не обращая внимания на зловоние обугленной кожи, он лишь усилил хватку, принимая боль.

Ибо боль сия имела свое предназначение – служение Господу.

Вокруг него пехотинцы и рыцари хлынули в Иерусалим кровавой волной. Не один месяц крестоносцы пробивались через вражеские края. Девять из десяти простились с жизнью, так и не достигнув стен Священного града, – положившие живот в битвах, polegшие в беспощадной пустыне, сраженные языческими хворами. Выжившие же плакали, не скрывая слез, когда узрели Иерусалим впервые. Но вся сия кровь была пролита не втуне, ибо ныне град будет возвращен христианам сызнова, и суровую победу ознаменуют смерти тысяч неверных.

По убиенным – и по уже polegшим, и по тем, коих сия участь постигнет вскорости, – Бернард вознес торопливую молитву.

На большее времени у него не было.

Укрывшись за конной повозкой, он надвинул капюшон своего грубого рубища еще дальше на глаза, укрыв бело-снежные волосы и бледное лицо еще дальше в тени. А затем ухватил жеребца под уздцы, погладив теплую шею животного и чуя биение его сердца не только кончиками перстов, но и слухом. Ужас бурлил в крови коня, испариной исходя с его блестящих от пота боков.

Однако же в крепкой узде животное шагнуло вперед обок него, потащив деревянную повозку по омытым кровью камням мостовой. В повозке находилась только железная клетка – достаточно просторная, чтобы уместить человека. Снаружи клетка была укутана толстыми кожами, скрывая то, что внутри. Но он-то знал. Как и конь, в ужасе закладывавший уши, трясая нечесаной черной гривой.

Выстроившись тесной фалангой, перед Бернардом шли его темные братья – рыцари Ордена сангвинистов, силой оружия прокладывая тропу. Каждому из них эта миссия была куда дороже собственного существования. Тягаться с ними силой и решимостью в сражении не дано было ни одному человеку на свете. Один из братьев вдруг взмыл высоко в воздух с мечами в обеих руках, изъяснив свою нечеловеческую природу не только молниеносным сверканием стали, но и зловещим блеском острых зубов. Все они некогда были богомерзкими тварями, подобными запертой в клетке, лишенными душ и покинутыми на погибель, – доколе Христос не посулил им путь к спасению. Каждый заключил темный договор более не утолять свою жажду кровью людской, но лишь освященной кровью Христовой; сие благословение дозволило им ходить наполовину в тени, наполовину под солнцем, балансируя на острие клинка между благодатью и геенной огненной.

Ныне же, присягнув Церкви, каждый служил Богу и воителем, и священником.

Именно сие служение и повлекло Бернарда и прочих к вратам иерусалимским.

В окружении воплей и бряцания сражений деревянная повозка катила ровно и неуклонно. Чувствуя мучительный страх, Бернард жаждал, чтобы колеса крутились еще хоть чуть-чуть быстрее.

Надобно поспешать...

Однако и другая нужда донимала его столь же остро. Кровь капала со стен вокруг него, бежала ручейками по камням под ногами. Железная солоноватость пульсировала у него в голове, туманом наполняла сам воздух, пробуждая грызущий, нестерпимый голод. Он облизал сухие губы, будто пытаясь ощутить вкус того, что ему возбранено.

Страдал не только он.

Из темной клетки раздался вой вурдалака, учуявшего кровопролитие. Его клич воззвал к такому же чудищу, до сей поры таящемуся в Бернарде, – вот только узилище его упыря не из железа, но из обетов и благословений. И все же в ответ на этот вопль зверского голода кончики зубов Бернарда стали длиннее и острее, а жажда – неотступнее.

Слыша эти вопли, его братья устремлялись вперед с умноженной силой, будто убегая от своего прежнего естества.

О лошади сказать того же было нельзя. Как только тварь завывала, жеребец буквально окаменел.

Еще бы.

Демона Бернард изловил и заключил в клетку десять ме-

сяцев назад в брошенном деревянном хлеву под Авиньоном во Франции. За века подобным анафемским тварям давали разные имена. Хотя некогда они и сами были людьми, теперь же обратились в напасть, подстерегающую в темных местах, питая себя кровью людей и животных.

Едва заточив нечисть в клетку, Бернард обернул новое узилище толстым слоем кож, дабы внутрь не пробилась даже искорка света. Пелены защитили упыря от испепеляющего света денницы, но за эту защиту ему пришлось расплачиваться. Бернард держал его впроголодь, давая довольно крови, чтобы он выжил, но далеко не достаточно, дабы утолить аппетит.

Сего дня этот глад послужит Господу.

В такой мучительной близости от цели Бернард попытался снова заставить коня тронуться, утешительно поглаживая ладонью покрытый пеной нос животного, но оно не успокаивалось в попытке освободиться, наваливаясь на постромки то одним боком, потом другим.

Вокруг них сангвинисты кружили в знакомой свистопляске сечи. Вопли умирающих эхом отражались от равнодушных камней. Тварь в клетке билась о кожаные стенки, как в барабан, вереща от жажды включиться в резню, вкусить крови.

Заржав, конь в ужасе затряс головой.

Из окрестных улочек и переулков уже потянулись тучи дыма. Ноздри жег смрад горелой шерсти и плоти. Кресто-

носцы подпалили этот район города. Бернард начал опасаться, что они сотрут с лика земли единственную часть Иерусалима, куда ему надобно пробиться, – ту часть, где можно сыскать священное оружие.

Уразумев, что от коня больше проку не жди, Бернард вытащил меч и несколькими искусными ударами перерубил кожаную упряжь. Понукать почуявшего свободу жеребца не требовалось. Покинув постромки одним скачком, он отпихнул сангвиниста в сторону и устремился сквозь сечу.

«С Богом!» – мысленно проводил его Бернард.

И двинулся к задку телеги, понимая, что никого из братьев отвлекать от боя нельзя. Последние шаги он должен сделать в одиночку.

Как Христос со своим тяжким крестом.

Спрятав меч в ножны, Бернард плечом навалился на задок повозки. Оставшееся расстояние он будет сам толкать ее. В другой жизни, когда сердце еще билось, он был сильным, энергичным человеком. Теперь же наделен мощью, много превосходящей силу любого смертного.

Он порывисто передохнул, ощутив привкус крови, напоивший волглый воздух. Жажда подернула зор алый пеленой. Ему хотелось испить из каждого мужчины, женщины и ребенка в городе. Богомерзкое вождение буквально раздирало его.

Но вместо того он вцепился в свой обжигающий крест, позволяя священной боли наставить его на путь.

Он сделал медленный шаг, заставив колеса повозки совершить один оборот, за ним другой. И каждый приближал его к цели.

Но и грызущий страх возрастал на каждом шагу.

Не опоздал ли я уже?

Когда солнце уже клонилось к горизонту, Бернард наконец углядел свою цель. Он уже трепетал от изнеможения, почти исчерпав даже свою неистовую мощь.

В конце улицы, за последним рубежом, на коем яростно сражались защитники города, к равнодушным синим небесам возносился свинцовый купол мечети. Ее белый фасад замарали темные потеки крови. Даже с такого расстояния Бернард слышал испуганное биение сердец мужчин, женщин и детей, укрывшихся внутри толстых стен мечети.

Навалившись на повозку, он внимал молитвам о милосердии, возносимым их чуждому божку. Тварь в повозке им его не пожалует.

Равно как и Бернард.

Их ничтожные жизни суть прах по сравнению с наградой, каковую он алчет обрести, – с оружием, сулящим изгнать с лика земного все зло и нечисть.

Отвлеченный сим упованием, он не сумел помешать переднему колесу повозки попасть в глубокую трещину на мостовой, крепко засев между камнями. Дернувшись, телега остановилась.

Будто ощутив свое преимущество, неверные прорвали

оборонительную фалангу вокруг повозки. Худой мужчина с всклокоченными черными волосами ринулся к Бернарду со сверкающим на солнце изогнутым клинком, намереваясь защитить свою мечеть и семью ценой собственной жизни.

Бернард принял цену, разрубив его молниеносным взмахом стали.

Жаркая кровь оросила священнические одеяния Бернарда. Хоть сие и возбраняется, за исключением крайней нужды, он, коснувшись потека, поднес пальцы к губам. И слизнул с их кончиков алую влагу. Он понесет епитимью после, хоть сотню лет, буде понадобится.

Начавшись с кончика языка, огонь разбежался по всем его членам, воспламеняя их новой энергией, сужая поле зрения до булавочного острия. Навалившись плечом на повозку, Бернард мощно толкнул, и колеса снова покатались по мостовой.

На устах его затрепетала молитва – просьба даровать силу, чтобы продержаться, и прощение за сей грех.

Он погнал повозку вперед, и братия расчистила для него дорогу.

Двери мечети показались прямо перед ним. Ее последние оборонщики погибали на пороге. Бросив повозку, Бернард одолел последние шаги до мечети и пинком распахнул запертую на засовы дверь с силою, каковой не сумел бы выказать ни один человек на свете.

Изнутри докатился единодушный вскрик ужаса, эхом от-

разившись от расписных стен. Сердца собравшихся бились в унисон от страха – слишком многие, слишком часто, дабы различить отдельные. Они сплывались в единый звук, подобный реву бурного моря. Искристая россыпь уstraшенных взглядов воззрилась на него из мрака под куполом.

Бернард встал в дверном проеме, дабы они могли узреть его силуэт на фоне пожаров, охвативших город. Они должны признать его одежды священнослужителя и серебряный крест, дабы уразуметь, что их завоевали христиане.

Но что важнее, они должны осознать, что исхода для них нет.

Собратья-сангвинисты пробились к нему, встав плечом к плечу позади него у входа в мечеть. Не улизнет ни одна живая душа. Запах ужаса переполнял просторное вместилище – от плиточных полов до циклопического купола над головами.

Одним скачком Бернард вернулся к повозке. Стащил с нее клетку и повлек по ступеням к двери под визг железного днища, пропахивающего в каменных ступенях длинные черные борозды. Стена сангвинистов разомкнулась, дабы принять его, и снова сомкнулась у него за спиной.

Дотавив клетку, Бернард поставил ее на полированные мраморные плиты. Одним молниеносным движением его меч рассек запор клетки. Отступив, распахнул ржавую дверцу. Скрежет петель заглушил и биение сердец, и дыхание.

Тварь, освободившись впервые за многие месяцы, ступи-

ла вперед. Длинные конечности ощупывали воздух, будто на шаривая давно знакомые прутья.

По виду вурдалака Бернард едва угадывал, что тот некогда был человеческим существом, — кожа побелела, как у трупа, золотистые волосы отросли и сбились колтунами на спине, а конечности стали тонкими, как у паука.

В ужасе толпа попятилась от взора упыря, прижимаясь к дальним стенам, в страхе и панике давя оказавшихся в задних рядах. От них потянуло дыханием крови и страха.

Занеся меч, Бернард подождал, когда тварь повернется к нему лицом. Демон не должен вырваться на улицы. Он должен принести зло и богохульство в сии священные стены. Он должен попать малейшую крупицу святого, какая могла здесь сохраниться. Лишь тогда сие пространство можно будет заново освятить во имя Бернардова Бога.

Будто услышав его мысли, упырь обратил морщинистое лицо к Бернарду. Оба глаза сверкнули млечной белизной. Он уже давно чурался солнца и был стар, когда состоялось обращение.

В помещении впереди захныкал ребенок.

Устоять перед этим искушением подобный монстр не мог.

Взмахнув костлявыми членами, он извернулся и ринулся на жертву.

Бернард опустил меч, более не потребный, дабы удержать чудище в повиновении. Посул крови и боли какое-то время удержит его в этих стенах.

Он понудил свои стопы следовать за смертоносной тварью. Ступив под купол, оградил свой слух от воплей и молитв, отвратил взор от растерзанных тел, через которые переступал. Он отказывался откликаться на удушливый зов крови, зависшей в воздухе.

И все же закрывать глаза на чудовище внутри его, только что подкрепленное парой капель алого, было невозможно. Оно алкало присоединиться к этому другому, кормиться, забывшись, безоглядно отдавшись сему простому позыву.

Дабы насытиться, утолить свою жажду по-настоящему впервые за годы и годы.

Бернард зашагал быстрее, опасаясь утратить волю, поддаться этому вожделению, — пока не достиг лестницы в дальнем конце.

И был остановлен безмолвием.

Позади него всякое биение сердец прекратилось. Эта неподвижность парализовала его, и он замер, не в силах шелохнуться, пронзенный осознанием собственной вины.

А затем от купола отразился противоестественный визг — это сангвинисты наконец-то прикончили тварь, осуществившую свое предназначение.

Боже, прости меня...

Избавившись от этого зловещего безмолвия, Бернард побежал по ступеням и через петляющие коридоры под мечетью. Путь вел его в самые недра города. Насыщенная вонь резни преследовала его по пятам, таясь в тенях духами усоп-

ших.

И наконец повеяло новым ароматом.

Вода.

Упав на четвереньки, Бернард пополз в тесный туннель и узрел впереди мерцающий свет, манивший его, будто мотылька. В конце туннеля распахнулась пещера – достаточно высокая, чтобы выпрямиться во весь рост.

Выбравшись в нее, он встал на ноги. На одной стене висел тростниковый факел, бросавший мерцающие отблески на поверхность водоема с черной водой. Высокий потолок покрывал толстый слой копоти, скопившийся за многие поколения.

Едва Бернард ступил шаг вперед, как из-за валуна поднялась женщина. Сверкающие волосы цвета эбенового дерева рассыпались по плечам, ниспадая на ее простую белую сорочку, гладкая и безупречная темно-коричневая кожа сияла. С изящной шеи свисал металлический осколок длиной с ее ладонь, подвешенный на золотой цепочке, покоясь между грудей правильной формы, проглядывающих сквозь плотное одеяние.

Бернард стал священником уже давно, но его тело отреагировало на ее красоту. С громадным усилием он заставил себя встретиться с ней взглядом. Ее сияющие глаза глядели на дно его собственных оценивающим взором.

– Кто вы? – спросил Бернард. Он не слышал биения ее сердца, но нутром знал, что она иная, чем тварь, сидевшая

в клетке, иная даже, чем он сам. Даже издали он ощущал тепло, исходящее от ее тела. – Хозяйка Колодца?

Это прозвище он нашел выписанным на древнем листе папируса вкупе с картой того, что лежит внизу.

Она пропустила вопрос мимо ушей.

– Еси не готов к тому, что ищешь, – просто сказала она. Слова прозвучали на латыни, но акцент показался ему архаичным, древнее его собственного.

– Я ищу лишь знания, – парировал он.

– Знания? – Это единственное слово прозвучало горестно, как панихида. – Здесь обрящешь лишь разочарование.

И все же, должно быть, она осознала его решимость. Отступив в сторону, смуглой рукой с длинными, изящными пальцами указала на водоем. Плечо ее опоясывала тонкая золотая полоска.

Бернард шагнул мимо нее, едва не соприкоснувшись с ней плечами. Окружающий ее теплый воздух был напоен благоуханной свежестью лепестков лотоса.

– Совлеки ризы твои, – повелела она. – Да внидешь в воду такоже наг, якоже пришед на свет.

Остановившись у колодца, Бернард принялся теребить одеяния, отгоняя постыдные мысли, зароившиеся в сознании.

Она не пожелала отвести взор.

– Ты принес в сие священное место тьму смертей, слуга крестов.

– Оно будет очищено, – промолвил он в стремлении умиротворить ее. – Посвящено единому Богу.

– Лишь *одному*? – В ее бездонном взоре плеснулась скорбь. – Еси столь уверен?

– Аз есмь.

Она пожала плечами. От этого незначительного движения тонкая сорочка соскользнула с ее плеч, с шелестом опустившись на грубый каменный пол. Свет факела показал тело столь безупречное, что Бернард, позабыв об обетах, устоял во все глаза, упиваясь изгибами полных грудей, живота, длинных мускулистых ног.

Повернувшись, она нырнула в темную воду почти без всплеска.

Оставшись в одиночестве, он поспешно расстегнул пряжку пояса, сбросил окровавленные сапоги и сорвал одежды. Оставшись нагишом, прыгнул следом, устремляясь вглубь. Ледяная вода смыла кровь с его кожи, очистив от грехов.

Бернард выдохнул воздух из легких, ибо, будучи сангвинистом, в нем не нуждался. И стремительно погружался, плывя за ней. Далеко под ним нагие члены на миг серебристо сверкнули, а затем она проворно, как рыба, метнулась в сторону – и исчезла.

Он забил ногами, устремляясь глубже, но ее и след простыл. Коснувшись креста, он помолился о наставлении. Следует ли искать ее или продолжить свою миссию?

Ответ был прост.

Повернувшись, Бернард поплыл вперед, через петляющие коридоры, следуя карте у себя в голове, затверженной по обрывкам этого античного папируса, навстречу тайне, сокрытой глубоко под Иерусалимом.

Со всею скоростью, на какую отважился, он двигался в бездонной тьме по сложным переходам. Смертный скончался бы уже не единожды. Ведя одной рукой по камню, Бернард подсчитывал коридоры. Дважды его заносило в тупики, и приходилось возвращаться. Он подавил панику, твердя себе, что просто неправильно понял карту, и теща обещанием, что искомое место существует.

Его отчаяние уже дошло до пика, когда мимо него в ледяной воде вдруг скользнуло тело, что он ощутил течением, пробежавшим по коже, направляясь туда, откуда он приплыл. В испуге Бернард хотел схватиться за меч, но слишком поздно вспомнил, что оставил его в груди своих одежд.

Протянул руки к ней, но понял, что она уже скрылась.

Повернув в направлении, откуда она приплыла, он забил ногами с приумноженной энергией, продираясь сквозь набирающий силу страх, что придется плавать во тьме до конца света, так и не найдя искомое.

Наконец Бернард добрался до большой пещеры, стены которой расступились далеко в стороны.

Даже не видя, он понял, что нашел нужное место. Вода здесь казалась теплее, обжигая святостью, от которой кожа зазудела. Подплыв к стене, он поднял трясущиеся руки и на-

чал ощупывать камень.

Под ладонями угадывался вырубленный в скале рисунок.

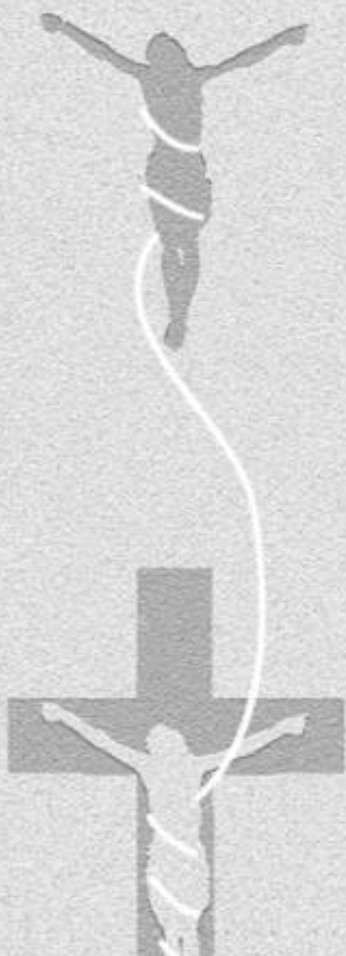
Наконец-то...

Его кончики пальцев ползли по камню в стремлении постичь высеченные там образы.

Образы, которые могут стать спасением.

Образы, которые могут привести к священному оружию.

Под пальцами он ощутил рельеф креста, нащупал распятую на нем фигурку – и возносящуюся над ним, того же человека с лицом, обращенным горе, с руками, простертыми к небесам. А между телами протянулась линия, связывающая эту возносящуюся душу с распятым внизу телом.

Пока Бернард следовал по этой тропе, кончики его пальцев жгло огнем, предупреждая, что сделана эта линия из чистейшего серебра. От креста огненная дорожка текла по вогнутой стене пещеры к соседнему барельефу. Здесь Бернард обнаружил скопление людей с мечами, пришедших арестовать Христа. Ладонь Спасителя касалась головы одного из людей.

Бернард знал, что означает этот образ.

Исцеление Малха.

Это *последнее* чудо, явленное Христом перед воскрешением.

Плывя вдоль стены, Бернард вослед за серебряной линией прошел по череде чудес, явленных Иисусом за время жизни: насыщение народа пятью хлебами, воскрешение из мертвых, исцеления прокаженных. Он видел их мысленным взором, как въявь. И старался уберечь надежду, не растерять энтузиазм.

Наконец, он добрался до сцены, изображающей брачный пир в Кане, где Христос обратил воду в вино. Это было *первое* известное чудо Спасителя.

Однако серебряная тропа тянулась от Каны дальше, пылая во тьме.

Но куда? Откроет ли она неведомые чудеса?

Бернард двинулся вдоль нее — лишь затем, чтобы наткнуться на широкую проплешину камня, крошащегося под

пальцами. Он принялся лихорадочно водить ладонями по стене все более и более широкими дугами. Обрывки скрученной серебряной проволоки, врезанные в камень, обожгли кожу огнем. Боль отрезвила его, заставив взглянуть в лицо величайшему из своих страхов.

Эта часть барельефа уничтожена.

Он распростер руки по стене, пытаясь нашарить еще какие-нибудь барельефы. Согласно этим древним кускам папируса, история чудес Христа должна открыть тайник, где хранится священнейшее оружие из всех – способное уничтожить даже могущественнейшую окаянную душу одним прикосновением.

Он повис в воде без движения, постигнув истину.

Секрет уничтожен.

И он знал кем.

Ее слова эхом повторились у него в голове.

Знания? Здесь обретишь лишь разочарование.

Должно быть, найдя его недостойным, она отправилась напрямик сюда и стерла священный образ, прежде чем Бернارد успел его отыскать. Его слезы мешались с холодной водой – и оплакивал он не утрату, а более суровую истину.

Я потерпел крах.

Все эти смерти сегодня были напрасны.

Часть I

*Согрешил я, предав кровь невинную.
Они же сказали ему: что нам до того?*
Мф. 27:4

Глава 1

18 декабря, 09 часов 58 минут по тихоокеанскому стандартному времени

Пало-Альто, Калифорния

Готовая всколыхнуться в душе паника держала ее на взводе.

Входя в аудиторию Стэнфордского университета, доктор Эрин Грейнджер внимательно оглядела ее от стены до стены, удостоверяясь, что находится здесь одна. Даже присела на корточки, чтобы заглянуть под пустые сиденья и убедиться, что никто там не прячется. И при этом держала одну руку на своем «глоке-19» в кобуре на лодыжке.

Стояло чудесное зимнее утро, солнце сияло с ясного неба в окружении белых облаков. При ярком свете, льющемся сквозь высокие окна, ей почти нечего было опасаться темных тварей, преследующих ее в ночных кошмарах.

И тем не менее после всего случившегося Эрин понимала,

что собратья-люди способны на зло ничуть не меньше.

Выпрямившись во весь рост, она подошла к кафедре перед аудиторией, испустив вздох облегчения. Она понимала, что все эти страхи беспочвенны, что, впрочем, не помешало ей убедиться, что в аудитории не таятся никакие опасности, пока не нахлынули студенты. Хотя порой ребятишки из колледжа достают просто-таки до печенок, она сражалась бы до смерти, только бы не дать причинить вред ни одному из них.

Больше она не подведет ни одного студента.

Пальцы Эрин крепче сжали потертую кожаную сумку. Ей пришлось силком заставить пальцы разжаться, положив сумку рядом с кафедрой. По-прежнему обшаривая комнату взглядом, она расстегнула пряжку сумки и достала подготовленный конспект. Обычно она заучивает свои лекции наизусть, но эту группу приняла от профессора, ушедшей в декретный отпуск. Тема лекции интересная и позволит ей не заикливаться на событиях, поставивших ее жизнь с ног на голову, начиная с утраты в Израиле двух аспирантов пару месяцев назад.

Хайнриха и Эмми.

Немецкий аспирант погиб от ран, полученных из-за землетрясения. Смерть Эмми последовала позже; ее убили потому, что Эрин, сама того не сознавая, отправила аспирантке запретные сведения, знания, навлекшие на голову молодой женщины гибель.

Эрин потерла ладонями друг о друга, будто стремясь сте-

реть с них эту кровь, эту ответственность. В комнате вдруг будто стало холоднее. На улице не больше пятидесяти градусов¹, и в аудитории ненамного теплее. Однако дрожь, прошившая ее, когда она собирала записи, не имела ничего общего со скверным отоплением.

Приехав обратно в Стэнфорд, Эрин должна была бы радоваться возвращению домой, погружению в родную среду, в повседневные заботы семестра, неудержимо приближающегося к рождественским каникулам.

Не тут-то было.

Потому что все вдруг стало не таким, как прежде.

Как только она выпрямилась и выложила заметки для сегодняшней лекции, начали подходить студенты – парами и тройками; несколько человек спустились в самый низ аудитории, к передним сиденьям, но большинство держались позади, занимая места на галерке.

– Профессор Грейнджер?

Поглядев налево, Эрин увидела, что к ней подходит молодой человек с пятью серебряными колечками в брови и фотоаппаратом с длинным объективом через плечо. С решительным видом студент предстал перед ней.

– Да? – Она не потрудилась скрыть раздражение в голосе.

Он двинул к ней по деревянной кафедре сложенный листок.

У него за спиной остальные студенты взирали с напуск-

¹ 50 °F ≈ 10 °C. – Здесь и далее: прим. перев.

ным равнодушием, но артисты они были так себе. Эрин видела, что они с интересом ждут, как она отреагирует. Ей вообще не требовалось разворачивать листок, чтобы понять, что на нем записан номер телефона юноши.

— Я из «Стэнфорд дейли», — он потерел колечко в брови. — И надеялся получить коротенькое интервью для университетской газеты.

Она двинула листок обратно.

— Нет, спасибо.

Вернувшись из Рима, Эрин категорически отказывалась давать какие бы то ни было интервью. И не станет нарушать молчания теперь, особенно потому, что рассказывать ей позволено только ложь.

Чтобы скрыть правду о трагических событиях, окончившихся гибелью двоих ее аспирантов, состряпали байку, будто они застряли на три дня в израильской пустыне, заваленные обломками после землетрясения в Масаде. Согласно сфабрикованной версии, ее нашли живой вместе с армейским сержантом по имени Джордан Стоун² и ее единственным выжившим аспирантом Нейтом Хайсмитом.

Эрин понимала необходимость в такой легенде, потому что ей пришлось какое-то время работать на Ватикан, и эту отговорку состряпала горстка избранных лиц в правитель-

² Следует отметить, что имя сержанта можно интерпретировать как «Иорданский Камень». Какой сакральный смысл вкладывает в это автор, читателю лучше решать самостоятельно.

стве, тоже знающих правду. Общественность не готова к историям о чудовищах в ночи, о темных устоях, поддерживающих весь мир.

И все же распространять эти враки – ни по собственному произволу, ни по необходимости – она не собиралась.

– Я бы дал вам прочитать статью перед публикацией, – упорствовал студент с окольцованной бровью. – Если вам не понравится хоть одна запятая, мы переделаем ее вместе, чтобы вы остались довольны.

– При всем моем уважении к вашему упорству и усердию моего решения это не изменит. Пожалуйста, займите свое место, – указала она на полупустую аудиторию.

Помявшись, он вроде бы хотел заговорить снова. На что Эрин, выпрямившись во весь рост, прожгла его своим строжайшим взглядом. Правда, будучи блондинкой ростом всего в пять футов восемь дюймов с волосами, небрежно собранными сзади в конский хвост, она являла собой не самую устрашающую фигуру.

Однако главное – это настрой.

То, что он прочел в ее взгляде, заставило его попятиться к группке студентов, где он быстренько сел, потупившись.

Уладив это дело, Эрин подровняла стопку записей, постукивая ее торцом о кафедру, и призвала аудиторию к вниманию.

– Спасибо всем, что пришли на последнее занятие 104-го

курса истории³ «Библейская история без ореола божественности». Сегодня мы обсудим распространенные заблуждения, связанные с религиозным праздником, который у нас уже на носу, а именно – *Рождеством*.

Послышалась переключка загружающихся ноутбуков, пришедшая ныне на смену привычному шелесту тетрадей студентов, готовящихся конспектировать.

– Что мы празднуем двадцать пятого декабря? – Она окинула взглядом студентов в аудитории – одни с пирсингом, другие с татуировками, а некоторые вроде бы с похмелья. – Двадцать пятого декабря? Кто скажет? Вопрос проще некуда.

Руку подняла девушка в свитере с вышитым спереди ангелом.

– День рождения Христа?

– Это верно. Но когда Христос родился *на самом деле*?

Дать ответ не вызвался никто.

Эрин улыбнулась, чувствуя, что разогрелась, отбросив страхи и окончательно войдя в роль преподавателя.

– Вы молодцы, что не сунулись в эту западню, – этим она заслужила несколько смешков от аудитории. – Дата рождения Христа на самом деле является несколько спорным предметом. Климент Александрийский говорит...

Она продолжила лекцию. Год назад она бы сказала, что

³ В американских колледжах учебные курсы обозначают числовыми кодами, начинающимися с кода 101, ставшего синонимом азов всякой науки.

дата рождения Христа не известна никому из живущих ныне. Больше она этого утверждать не могла, потому что в ходе своих приключений в Израиле, России и Риме встретила тех, кто *знал* это наверняка, кто уже жил на свете, когда родился Христос. И тогда она осознала, какая изрядная часть общепризнанной истории *ошибочна* – запутана либо по невежеству, либо намеренно, чтобы скрыть мрачную истину.

Ее, как археолога, отыскивающего историю, погребенную под наслоениями песка и земли, подобное откровение потрясло, выбило из колеи. Вернувшись в комфортабельный академический мирок, она обнаружила, что больше не может провести даже простейшей лекции, не подвергнув ее тщательному осмыслению. Сказать студентам правду, пусть даже половинчатую, стало практически невозможно. И каждая лекция казалась ей ложью.

Как же мне и дальше вести этой тропой вранья тех, кого я должна учить истине?

Однако разве есть у нее выбор? Дверь, ненадолго приоткрывшаяся, чтобы явить взору сокровенную природу мира, столь же внезапно закрылась.

Не закрылась. Захлопнулась у меня перед носом.

Отрезанная от правд, скрытых за этой дверью, Эрин чувствовала себя отверженной, и ей оставалось лишь гадать, где истина, а где заблуждение.

Наконец лекция подошла к концу. Эрин торопливо принялась вытирать белый пластик доски, словно вместе со сло-

вами уничтожала заключенные в них враки и полуправду. Ну, хотя бы все позади. Она поздравила себя с завершением последней лекции года. Теперь осталось лишь закончить проверку курсовых, а дальше можно совершенно свободно встретить вызов рождественских каникул.

На эту вереницу свободных дней у Эрин мысленно накладывался образ голубых глаз и жестких черт сурового лица, полных губ, так легко расплывающихся в улыбке, гладкого лба под белокурыми волосами, подстриженными бобриком. Будет славно снова увидеться с сержантом Джорданом Стоуном. Прошло уже несколько недель с тех пор, как она в последний раз видела его собственными глазами, хотя они и частенько говорили по телефону. Она не питала уверенности, что эти отношения надолго, но хотела выяснить это на собственном опыте.

Конечно, это означает, что надо выбрать безупречный рождественский подарок, чтобы выразить подобные сантименты. При этой мысли Эрин улыбнулась.

Когда она уже начала стирать с доски последнюю строку, собираясь отпустить студентов, набежавшее облачко заслонило солнце, погрузив аудиторию в тень. Губка застыла на доске. Голова у Эрин на миг закружилась, и она обнаружила, что падает в...

Абсолютную тьму.

Каменные стены давили ей на плечи. Она попыталась сесть. Голова ударилась о камень, и она со всплеском упала

обратно. Ладони лихорадочно обследовали черный мир.

Вокруг сплошь камни – сверху, сзади, со всех сторон. Не грубый камень, будто она погребена в недрах горы. А гладкий. Полированный, как стекло.

Вдоль верха ящика тянулся инкрустированный узор из серебра, обжегшего ей кончики пальцев.

Она охнула, и вино хлынуло ей в рот. Довольно, чтобы захлебнуться.

Вино?

Дверь в конце аудитории захлопнулась, рывком вернув ее к действительности. Эрин уставилась на губку на доске, крепко стиснутую ее пальцами так, что костяшки побелели.

И давно я так стою? На виду у всех...

Она прикинула, что не более нескольких секунд. За последние пару недель на нее уже накатывали подобные приступы, но еще ни разу – на глазах у других. Эрин отмахивалась от них, считая последствием посттравматического шока и надеясь, что они пройдут сами, но последний оказался ярче и живее всех.

Сделав глубокий вдох, она обернулась к студентам. Они ничуть не встревожились, значит, она не могла быть в отключке слишком долго. Надо взять это под контроль, пока не случилось чего-нибудь похуже.

Эрин поглядела на хлопнувшую дверь.

У задней стены замерла знакомая фигура. Заметив, что она смотрит, Нейт Хайсмит поднял большой конверт, пома-

хал им с извиняющейся улыбкой и пошел вниз по проходу в своих ковбойских сапогах. Его прихрамывающая походка напомнила Эрин о пытке, которую он вынес прошлой осенью.

Она поджала губы. Нужно было лучше защищать его. И Хайнриха. И особенно Эмми. Не подвергни Эрин девушку опасности, та могла бы жить по сей день. Без дочери родители Эмми впервые не будут праздновать Рождество. Они с самого начала не хотели, чтобы Эмми стала археологом. Именно Эрин в конце концов убедила их отпустить дочь на раскопки в Израиль в качестве начальника археологической партии, заверив, что никакая опасность ей не грозит.

И в конце оказалась ужасно, чудовищно не права.

Она чуть подвернула стопу, чтобы ощутить успокоительное давление кобуры на лодыжку. Больше врасплох ее не застанет никто. При ней больше ни один невинный не пострадает.

Кашлянув, она снова сосредоточила внимание на студентах.

– На этом закругляемся, народ. Все свободны. Наслаждайтесь зимними каникулами.

Пока студенты выходили из аудитории, она заставила себя смотреть в окно на яркое небо, пытаясь отогнать тьму, оставшуюся от видения, настигшего ее только что.

Когда аудитория опустела, Нейт наконец дошел до нее.

– Профессор, – в голосе его слышалась тревога. – У меня

для вас послание.

– Какое послание?

– Вообще-то целых два. Первое – от израильского правительства. Оно наконец разблокировало наши данные с раскопок в Кесарии.

– Замечательно, – Эрин попыталась изобразить энтузиазм, но не преуспела в этом. Ну, хотя бы Эмми и Хайнриху воздадут дань за их последние труды, которые послужат эпитафией их кратким жизням. – А второе от кого?

– От кардинала Бернарда.

Удивившись, она посмотрела на Нейта в упор. Не одну неделю она пыталась достучаться до кардинала – главы Ордена сангвинистов в Риме. Подумывала даже слетать в Италию, чтобы устроить форменную осаду его апартаментов в Ватикане.

– Уж пора бы ему ответить на мои призывы, – проворчала Эрин.

– Хотел, чтобы вы перезвонили ему незамедлительно, – сообщил Нейт. – Такое впечатление, что дело срочное.

Эрин испустила вздох негодования. Бернард игнорировал ее два месяца, а теперь вдруг ему что-то от нее понадобилось. У нее к нему была тысяча вопросов – тревог и мыслей, копившихся за последние недели по возвращении из Рима. Она посмотрела на доску, разглядывая полустертую строку. И об этих видениях вопросов у нее тоже хватает.

Были ли эти эпизоды последствиями посттравматическо-

го стресса? Не переживает ли она вновь время, проведенное в западне под Масадой?

Но если так, почему я ощущаю вкус вина?

Тряхнув головой, чтобы прояснить мозги, она указала на конверт в руке Нейта.

– А это что такое?

– Адресовано вам, – он протянул конверт ей.

Для простого письма конверт чересчур тяжел. Эрин пробежала взглядом обратный адрес.

Израиль.

Слегка дрожащими руками она вскрыла конверт с помощью авторучки.

Заметив, как дрожат у Эрин руки, Нейт поглядел на нее с озабоченным видом. Она знала, что он уже беседовал с университетским психологом о собственном ПТСР⁴. Они оба уцелели, но заплатили за это кровью, став обладателями секретов, говорить о которых вслух не могли.

Подняв конверт, она вытряхнула оттуда один машинописный лист и предмет, размером и формой напоминающий перепелиное яйцо. При виде этого предмета сердце Эрин упало.

Даже Нейт негромко ахнул, отступив на шаг назад.

Эрин подобной роскоши была лишена. Она быстро прочла сопроводительное письмо от израильских сил безопасности. Те решили, что прилагаемый артефакт более не явля-

⁴ ПТСР – посттравматическое стрессовое расстройство.

ется вещественным доказательством по закрытому расследованию их дела, и выражали надежду, что она передаст его законному владельцу.

Эрин держала отполированный кусочек янтаря в ладони, будто драгоценнейший предмет на свете. Под унылым флуоресцентным освещением он смахивал на отполированный бурый камешек, но на ощупь теплее. Свет бликовал на его поверхности, а в самом центре недвижно зависло крохотное темное перышко, сохранившееся на протяжении тысяч лет, будто навеки запечатленное в янтаре мгновение.

– Талисман Эмми, – проронил Нейт, сглотнув ком в горле. Он был свидетелем убийства Эмми. И теперь отвел глаза от янтарного шарика.

Эрин сочувственно положила ладонь на локоть Нейта. На самом деле для Эмми эта безделица была больше чем просто талисманом. Однажды во время раскопок девушка рассказала Эрин, что в детстве нашла этот кусочек янтаря на берегу и была очарована перышком, заточенным внутри, гадая, откуда оно взялось, и воображая крыло, из которого оно могло выпасть. Янтарь пленил не только перышко, но и воображение Эмми. Именно он воспламенил в ней желание изучать археологию.

Глядя на янтарь, лежащий на ладони, Эрин понимала, что этот крохотный предмет привел Эмми не только в науку, но и на встречу со смертью.

Пальцы Эрин стиснулись вокруг гладкого камешка креп-

ко, как ее собственная решимость, заставившая принести в душе присягу.

Больше никогда...

Глава 2

18 декабря, 11 часов 12 минут восточного поясного времени

Арлингтон, штат Вирджиния

Шагая в своем парадном мундире, сержант Джордан Стоун чувствовал себя таким мошенником. Сегодня он похоронит последнего члена своей бывшей команды – молодого человека, капрала по фамилии Сэндерсон. Его тело, как и тела прочих членов команды, так и не нашли.

Перерыв за пару месяцев тонны обломков на том месте, где раньше была гора Масада, военные сдались. Пустой гроб Сэндерсона впивался в бедро Джордана, шагающего в ногу с остальными, несущими гроб.

Декабрьский снегопад укутал территорию Арлингтонского национального кладбища белым саваном, скрыв бурю траву и налипнув толстым слоем на голых ветках деревьев. Снег громоздился на выгнутых верхушках мраморных могильных камней. Их выстроилось здесь столько, что и не сочтешь. Каждая могила под своим номером, почти каждая с именем; в каждой нашел вечный приют солдат, сложивший голову с честью и достоинством.

В одной из них упокоилась его жена Карен, убитая в бою более года назад. Хоронить было почти нечего, только ее солдатские жетоны. Гроб ее, как и гроб Сэндерсона, был пуст.

Порой Джордану даже не верилось, что ее больше нет, что он уже никогда не поднесет ей цветы, в благодарность получив долгий поцелуй. Теперь цветы будут лишь на могилу. Он принес ей алые розы, прежде чем направиться на погребение Сэндерсона.

Джордан представил себе веснушчатое лицо капрала. Юный член его команды всегда старался угодить, относился к своей работе всерьез и не жалел сил. А в награду получил лишь одинокую кончину на вершине горы в Израиле. Джордан крепче сжал холодную ручку гроба, от всей души желая, чтобы исход задания был иным.

Еще несколько шагов мимо голых деревьев, и они внесли гроб в выстуженную часовню. Среди этих простых белых стен он чувствовал себя куда уютнее, чем в роскошных церквях Европы. Сэндерсону тут тоже было бы уютнее.

Мать и сестра Сэндерсона ждали их внутри, одетые в одинаковые черные платья и легкие официальные туфельки, несмотря на снег и холод. Светлую, как у Сэндерсона, кожу обеих даже зимой густо усеивали коричневые веснушки, носы и глаза покраснели.

Они горевали по сыну и брату.

Как бы ему хотелось уберечь их от этого...

Рядом с ними по стойке «смирно» стоял его командир – капитан Стэнли. Он находился по левую руку от Джордана на всех похоронах, сжимая губы в ниточку, когда гробы ложились в землю. Хорошие солдаты, все до единого.

Будучи образцовым командиром, Стэнли выслушал рапорт Джордана, даже глазом не моргнув. Стоун же, в свою очередь, изо всех сил старался придерживаться лжи, придуманной Ватиканом: что гора при землетрясении рухнула и все погибли. Они же с Эрин находились в углу, который не разрушился, и трое суток спустя их спасла поисковая партия Ватикана.

Достаточно просто.

И все неправда. А он, к сожалению, врать не умеет, и командир заподозрил, что Джордан что-то утаил то ли о происшествии в Масаде, то ли о том, что было после его спасения.

Джордана уже отстранили от действительной службы, направив на консультацию к психиатру. Кто-нибудь постоянно за ним приглядывал – на случай, если он вдруг сорвется. Стоун же более всего на свете хотел просто отправиться в поле, чтобы делать свое дело. В качестве члена Объединенного экспедиционного криминалистического корпуса в Афганистане он занимался расследованиями на местах военных преступлений, отлично с этим справлялся и хотел заниматься этим снова.

Чем угодно, только бы двигаться, не сидеть без дела.

Но вместо того стоял в почетном карауле у очередного гроба, чувствуя, как холод от мраморных плит просачивается сквозь подошвы, впиваясь в пальцы. Рядом дрожала сестра Сэндерсона, и Джордан жалел, что не может накинуть ей на плечи свой китель.

Он слушал не столько слова капеллана, сколько его мрачные интонации. Военному священнику отвели на церемонию лишь двадцать минут. На Арлингтонском что ни день происходит множество похорон, и надо придерживаться жесткого графика.

Джордан и сам не заметил, как, покинув часовню, оказался у могилы. Он ходил этим путем столько раз, что ноги сами нашли путь без особого вмешательства сознания. Гроб Сэндерсона покоился на коричневой земле, припорошенной снегом, рядом с накрытой ямой.

Холодный ветер взвивал снег вихрями, вытягивая поземку длинными щупальцами, будто высокие перистые облака, частенько простирающиеся над пустыней, в которой погиб Сэндерсон. Церемония шла своим чередом. Джордан услышал троекратный ружейный салют, исполненный волынщиком «Тэпс»⁵ и увидел, как капеллан вручает матери Сэндерсона сложенный флаг.

Джордану пришлось проходить эту сцену снова и снова, по каждому из утраченных товарищей.

Но легче от повторения не становилось.

В конце Джордан пожал руку матери Сэндерсона. Ладонь была холодной и хрупкой, и он боялся, что может сломать ее.

– Я глубоко сожалею о вашей утрате. Капрал Сэндерсон был отличным солдатом и хорошим человеком.

⁵ Короткая музыкальная пьеса, обычно исполняемая на трубе на военных похоронах в США.

– Вы ему нравились, – одарила его мать горестной улыбкой. – Он говорил, что вы сообразительны и отважны.

Джордан с трудом заставил свои ледяные губы сложиться в ответную улыбку.

– Приятно слышать, мэм. Он и сам был сообразителен и отважен.

Сморгнув слезы, она отвернулась. Джордан сделал шаг к ней, хоть и не знал, что сказать, но прежде чем нашел слова, капеллан положил ладонь ему на плечо.

– Полагаю, нам нужно поговорить о деле, сержант.

Обернувшись, Джордан взглянул на молодого капеллана повнимательнее. Тот был одет в парадный мундир, как и Джордан, только на лацканах у него были вышиты кресты. Теперь же, приглядевшись, Джордан увидел, что кожа у него слишком бледная даже для зимы, каштановые волосы чуточку длинноваты, а выправка не совсем армейская. Капеллан ответил ему немигающим взглядом зеленых глаз.

Короткие волоски на затылке Джордана встали дыбом.

Холод ладони капеллана просачивался даже сквозь перчатку. И совсем не так, как если бы рука его слишком долго пробыла на морозе. Скорее она не была теплой уже годы и годы.

Джордан уже встречал многих этого роду-племени. Существо перед ним – нежить, хищник, кровосос по прозвищу «стригой». Но раз он осмелился выйти на свет дневной, значит, должен быть сангвинистом – стригоем, присягнувшим

больше не пить человеческую кровь и служить католической церкви, питаюсь лишь кровью Христовой – а точнее, *вином*, таинством евхаристии обращенным в Его кровь.

Подобный обет делает эту тварь менее опасной.

Но не намного.

– Я не так уж уверен, что у нас остались какие-то незаконченные дела, – отрезал Джордан.

Отстранившись от капеллана, сержант подобрался, готовый драться, если понадобится. Он видел сангвинистов в сражении. Нет никаких сомнений, что этот subtilный капеллан сможет уложить его, но это вовсе не значит, что Джордан сдастся без боя.

Ступив между ними, капитан Стэнли деликатно кашлянул.

– Это санкционировано с самого верха, сержант Стоун.

– Что именно, сэр?

– Он все объяснит, – капитан жестом указал на капеллана. – Ступайте с ним.

– А если я откажусь? – Джордан затаил дыхание в надежде на благоприятный ответ.

– Это приказ, сержант, – капитан посмотрел на сержанта в упор. – Все решено намного выше моей весовой категории. Джордан подавил стон.

– Виноват, сэр.

Капитан Стэнли чуть изогнул кверху один уголок рта, что у человека более легкомысленного нрава соответствовало бы

добродушному хохотку.

– Искренне верю, сержант.

Джордан козырнул, гадая, не в последний ли раз это делает, и последовал за капелланом к черному лимузину, стоящему у обочины. Похоже, сангвинисты вломились в его жизнь снова, чтобы своими бессмертными ногами растоптать развалины его карьеры в прах.

Капеллан придержал для него дверцу открытой, и Джордан забрался внутрь. Интерьер автомобиля благоухал кожей, бренди и дорогими сигарами. Не такого ждешь от машины святого отца.

Джордан подвинулся по сиденью. Стеклянная перегородка была поднята, и он видел лишь затылок водителя с толстой шеей, короткие белокурые волосы и форменную фуражку.

Прежде чем сесть, капеллан поддернул брюки, чтобы уберечь стрелку на коленях. Одной рукой он с достоинством захлопнул дверцу, заточив Джордана внутри вместе с собой.

– Пожалуйста, включите отопление для нашего гостя, – окликнул капеллан водителя, после чего расстегнул китель своего парадного мундира и откинулся на спинку сиденья.

– По-моему, мой командир сказал, что вы мне все объясните, – Джордан скрестил руки. – Валяйте.

– Дело непростое, – молодой капеллан налил бренди, поднес бокал к носу и вдохнул аромат. А потом со вздохом опустил его и протянул Джордану. – Весьма добрый винтаж.

– Тогда вы и пейте.

Капеллан покрутил бренди в бокале, следуя взглядом за коричневой жидкостью.

– Полагаю, вам известно, что я не могу, как бы ни хотел.

– Как насчет объяснения? – напирал Джордан.

Капеллан поднял руку, и автомобиль тронулся.

– Извините за эти игры в рыцарей плаща и кинжала. А может, уместнее было бы сказать «сутаны и креста»?

Он снова с вождением втянул ноздрями аромат бренди.

Джордан смотрел на манерные выкрутасы этого субъекта, сдвинув брови. Тот определенно выглядит менее занудным и чопорным, чем прочие встречавшиеся ему сангвинисты.

Сняв белоснежную перчатку, капеллан протянул руку.

– Зовите меня Христианом⁶.

Джордан проигнорировал протянутую руку.

Осознав это, капеллан поднял руку и пятерней прочесал свои густые волосы.

– Да, я понимаю иронию положения. Сангвиниста кличут *христианином*. Матушка будто заранее знала, – он фыркнул.

Джордан толком не знал, как относиться к этому сангвинисту.

– Мне кажется, мы едва не познакомились в Эттальском аббатстве, – заметил капеллан. – Но Рун забрал Надию и Эммануила, чтобы укомплектовать свою триаду в Германии.

Джордан мысленно увидел темные черты Надии и еще бо-

⁶ И снова говорящее имя: Христианин.

лее темные – Эммануила.

– Пожалуй, оно и неудивительно, – тряхнул головой Христиан.

– Почему это?

– Полагаю, моя плоть недостаточно умерщвлена и обращена во прах для отца Руна Корцы. – Он приподнял бровь. Джордан сдержал усмешку.

– Представляю, как это ему допекает.

Поставив бренди на поднос у дверцы, Христиан подался вперед, и взгляд его зеленых глаз вдруг посерьезнел.

– На самом деле как раз из-за отца Корцы я здесь.

– Это он вас послал?

Такого Джордан как-то представить не мог. Вряд ли Рун захочет иметь дело с Джорданом еще хоть когда-нибудь. Расстались они отнюдь не лучшими друзьями.

– Не совсем, – Христиан поставил свои костлявые локти на колени. – Кардинал Бернارد пытается сохранить это под спудом, но Рун исчез без единого слова.

Сходится... этот тип никогда не отличался особой общительностью.

– Он не связывался с вами с той поры, как вы покинули Рим в октябре? – поинтересовался Христиан.

– С чего бы ему связываться со мной?

Капеллан склонил голову к плечу.

– А почему бы и нет?

– Я его ненавижу, – Джордан не видел смысла лгать. – И

он знает это.

– Испытывать приязнь к Руну и вправду трудновато, – признал Христиан, – но что он такого сделал, что вы его возненавидели?

– Кроме того, что едва не убил Эрин?

Христиан озабоченно сдвинул брови.

– Я думал, он спас ей жизнь... и вам.

Джордан стиснул зубы, вспомнив обмякшее тело Эрин на полу, с мертвенно-бледной кожей и волосами, намокшими от крови.

– Рун укусил ее, – хрипло пояснил Джордан. – Он *опустошил* ее и бросил умирать в катакомбах под Римом. Если бы мы с братом Леопольдом не подоспели к ней вовремя, она была бы мертва.

– Отец Корца причастился крови Эрин? – Христиан шагахнул назад с изумлением, явно читающимся на лице. Он пристально вглядывался в Джордана несколько секунд, ни слова не говоря, искренне ошарашенный откровением об этом грехе. – Вы уверены? Быть может...

– Они оба это признали. И Эрин, и Рун, – Джордан скрестил руки. – Если кто здесь и лжет, то не я.

Христиан воздел руки в умоляющем жесте.

– Сожалею. Я не хотел подвергать ваши слова сомнению. Просто это несколько... необычно.

– Только не для Руна, – Джордан положил ладони на колени. – Ваш золотой мальчик оступался и прежде.

– Лишь однажды. И Элисабета Батори была века назад. – Приподняв бокал с бренди, Христиан принялся его разглядывать. – Значит, вы говорите, что брат Леопольд обо всем об этом *знал*?

– Несомненно.

Очевидно, Леопольд прикрыл Руна. Джордан ощутил досаду, но ничуть не удивился. Сангвинисты держатся друг за друга.

– Он вкусил от нее... – Христиан вглядывался в бокал, словно мог отыскать в его глубине ответ. – Это означает, что Рун полон ее кровью.

Джордан содрогнулся, покоробленный этой мыслью.

– Это все меняет. Надо ехать к ней. Сейчас же. – Подавшись вперед, Христиан постучал по перегородке, чтобы привлечь внимание водителя. – Везите нас в аэропорт! Сию же секунду!

Мгновенно подчинившись, водитель прибавил газу, чиркнув днищем автомобиля по асфальту, переваливая верхушку холма и направляясь прочь с кладбища.

– В аэропорту наши пути расходятся, – Христиан поглядел на Джордана. – Вы ведь можете добраться оттуда домой самостоятельно, верно?

– Мог бы, – подтвердил тот. – Но если в деле хоть каким-то боком замешана Эрин, я отправляюсь с вами.

Набрав полную грудь воздуха, Христиан медленно выпустил его, извлек из кармана сотовый телефон и настучал

цифры номера.

– Я уверен, кардинал Бернард произнес вам целую рацею по поводу опасности, коей подвергается и ваша жизнь, и ваша душа, буде вы вмешаетесь в наши дела?

– Совершенно верно.

– Тогда не будем терять время и сделаем вид, что я произнес ее по второму разу, – Христиан поднес телефон к уху. – Мне нужно сейчас же зафрахтовать самолет до Калифорнии.

– Значит, вы не против того, чтобы я отправился с вами?

– Вы любите Эрин и хотите ее защитить. Кто я такой, чтобы вставать у вас на пути?

Для ходячего трупа Христиан оказался не таким плохим парнем.

И все же, пока лимузин мчался по засыпанному снегом городу, тревога Джордана возрастала с каждой милей.

Эрин в опасности.

Снова.

И скорее всего, из-за действий Руна Корцы.

Быть может, было бы лучше, если бы этот ублюдок исчез раз и навсегда.

Глава 3

18 декабря, 18 часов 06 минут по центральноевропейскому времени

Ватикан

Кардинал Бернард перекладывал газеты на своем полированном письменном столе так, будто, разложив их аккуратно, мог изменить напечатанные в них слова. Первые полосы вопили ужасающими заголовками:

В РИМЕ БЕСЧИНСТВУЕТ СЕРИЙНЫЙ УБИЙЦА
ОМЕРЗИТЕЛЬНЫЙ ГОЛОВОРЕЗ НАПАДАЕТ НА
МОЛОДЫХ ЖЕНЩИН
ПОЛИЦИЯ ПОТРАСЕНА ЖЕСТОКОСТЬЮ
ПРЕСТУПНИКА

Свет свечей отражался от инкрустированного драгоценными камнями глобуса на столе. Бернард медленно повернул древнюю сферу, страстно желая оказаться где угодно, только бы подальше отсюда. Окинул взором свои античные книги, свитки, собственный меч времен крестовых походов на стене – предметы, собранные им за века служения Церкви.

Я служил долго, но хорошо ли я служил?

Запах типографской краски снова привлек его внимание к газетным страницам. Подробности встревожили его еще больше. Каждой женщине перерезали горло и полностью обескровили тело. Все они были молоды и красивы, с черны-

ми волосами и синими глазами. Происходили они из самых разных слоев общества, но все погибли в старейших кварталах Рима в темнейшие часы от заката до рассвета.

Общим числом двадцать человек, согласно газетам.

Но Бернарду удалось сокрыть куда больше смертей. По жертве чуть ли не каждый день с конца октября.

И никуда от этого момента не уйти.

Конец октября.

Смерти начались почти сразу после битвы за обладание Кровавым Евангелием, разыгравшейся в криптах под базиликой Святого Петра. Сангвинисты одержали победу в сражении с велиалами – объединенным воинством людей и стригоев, возглавляемым неведомым предводителем, продолжающим изводить его Орден.

Вскоре после сражения отец Рун Корца исчез.

Где же он? Что он натворил?

Бернард чурался думать об этом.

Он смерил взглядом стопку газет. Неужели распоясавшийся стригой улизнул после битвы и бесчинствует на улицах Рима, охотясь на этих девушек? В катакомбах было так много бестий. Одна могла проскользнуть через сети Ордена.

Отчасти он молился, чтобы это оказалось правдой.

Рассматривать альтернативу он попросту не отваживался. Этот страх заставлял его выжидать в мучительной нерешительности, а невинные девушки продолжали тем временем гибнуть.

Чья-то рука постучалась в дверь.

– Кардинал?

Он узнал этот голос и биение дряблого сердца, его сопровождающее.

– Входите, отец Амбросе.

Священник-человек открыл деревянную дверь одной рукой, другую сжав в вялый кулак.

– Извините, что побеспокоил.

Ни намек на раскаяние в голосе помощника не было. На самом деле в нем звенело плохо скрытое ликование. Хоть Амбросе откровенно любит кардинала и усердно отправляет службу в его канцелярии, в душе этого человека затаилась червоточина, заставляющая его радоваться чужим несчастьям.

Бернард подавил вздох.

– Да?

Амбросе вошел в кабинет, устремляясь вперед всем своим пухлым телом, будто ищейка, идущая по горячему следу. Оглядел озаренную свечами комнату – вероятно, убеждаясь, что Бернард один. Как же Амбросе обожает свои секреты! С другой стороны, может, потому-то он так и любит Бернарда. Спусти столько столетий в жилах кардинала струится не только черная кровь, но и уйма секретов.

Наконец удовлетворившись осмотром, помощник почти-тельно склонил голову.

– Наши люди нашли на месте последнего убийства вот

это.

Подступив к столу, Амбросе вытянул руку. Потом нарочито неспешно перевернул ее ладонью вверх и разжал пальцы.

На ладони покоился нож, своим изогнутым клинком напоминающий коготь тигра. На одном конце острого крюка виднелось отверстие для пальца воина, позволяющее молниеносными взмахами наносить тысячи смертоносных надразов. Это древнее оружие под названием *карамбит* ведет свое происхождение из седой старины. А судя по патине, поблескивающей на его поверхности, именно этот клинок очень древний – но отнюдь не музейный экземпляр. Он явно изранен в боях и послужил на славу.

Бернард принял нож из рук Амбросе. Жар у кончиков пальцев подтвердил его наихудшие опасения. Клинок покрыт серебром – это оружие сангвиниста.

Он представил лица убиенных девушек, их горла, перерезанные от уха до уха.

И сомкнул пальцы над обжигающим серебром.

Из всего Ордена только один сангвинист владел таким оружием – исчезнувший, когда начались убийства.

Рун Корца.

Глава 4

18 декабря, 16 часов 32 минуты по тихоокеанскому стандартному времени

Округ Санта-Клара, Калифорния

Верхом на своем любимом коне Эрин скакала по лугам, окрашенным сухой калифорнийской зимой в золотисто-коричневый цвет. Отзываясь на малейшее смещение ее веса, вороной мерин прибавил шаг.

Молодца, Блэкджек!

Она устроила коня на полное содержание в конюшне под Пало-Альто и ездила на нем при всяком удобном случае, зная, что ему необходимо движение, но прежде всего ради чистой радости полета над полями верхом на крепком коне. Блэкджек, не упражнявшийся уже пару дней, так и бурлил энергией.

Она оглянулась через плечо. Нейт ехал чуть позади, верхом на серой кобыле по кличке Гансмоук. Нейт, выросший в Техасе, и сам был искусным наездником и явно заставлял лошадь показать все, на что она способна.

Эрин просто позволила Блэкджеку дать выход своему ликованию, стараясь сосредоточиться на ветре в лицо, пьянящем запахе разгоряченного животного, на органичной связи между конем и всадником. Она полюбила верховую езду с самого детства. Скачка всегда помогала ей привести мысли в

порядок. Сегодня Эрин раздумывала о своих видениях, пытаясь разобраться, как к ним относиться, понимая, что это не просто ПТСР. Они означают нечто большее.

Солнце краешком коснулось вершин холмов, плавными перекатами стелющихся перед ней.

– Скоро придется поворачивать обратно! – окликнул Нейт. – Еще полчаса – и солнце зайдет!

Эрин различила в его голосе намек на тревогу. В Риме Нейт оказался заточен во тьме на много дней, пережил во мраке пытки. Вероятно, с тех пор для него ночь – источник ужасов.

Осознав это теперь, она поняла, что не следовало позволять ему ехать вместе с ней. Но раньше, еще днем, не сумев дозвониться до кардинала Бернарда, она поспешила прочь из стен кабинета, чтобы хоть отчасти разогнать тревогу. Нейт поинтересовался, куда она направляется, и она по глупости позволила ему составить себе компанию.

В эти последние месяцы ей стало нелегко отказывать ему. После трагических событий в Израиле и Риме ему приходится нелегко, даже тяжелее, чем ей, но он не сдается, хоть и редко говорит об этом. Эрин старалась быть рядом, чтобы помочь ему совладать с навязчивыми воспоминаниями. Это самое меньшее, что она может для него сделать.

В прошлом их отношения были более беззаботными – пока Эрин ухитрялась делать вид, что не замечает его влечения к ней. Но с той поры, когда она поняла, что полюбила Джор-

дана, Нейт стал относиться к ней сугубо профессионально. Но в чем тут причина – в уязвленных чувствах, гневе или в чем-то ином?

Как ни прискорбно, после сегодняшнего вечера это, вероятно, уже не будет играть никакой роли.

Эрид украдкой вздохнула. Может, оно и к лучшему, что Нейт составил ей компанию в этой поездке. Это самый подходящий момент, чтобы переговорить с ним с глазу на глаз.

Она придержала Блэкджека легчайшим натяжением удил. Нейт, подъехавший на Гансмоук, пристроился рядом, одарив ее широкой улыбкой. От этой улыбки сердце у нее защемило. Но сказать надо. Лучше сейчас, до рождественских каникул, чтобы дать ему время сжиться с этим.

Она сделала глубокий вдох.

– Нейт, я хочу с тобой поговорить.

Сдвинув свою соломенную стетсоновскую шляпу на затылок, Нейт поглядел на нее искоса. Их лошади шли по широкой тропе бок о бок.

– О чем же?

– Сегодня утром я поговорила с деканом. Назвала ему имена других профессоров, работа с которыми может тебя заинтересовать.

Он озадаченно приподнял брови.

– Я сделал что-то не то? Со времени нашего возвращения было трудновато, но...

– Твоя работа, как всегда, выше всех похвал. Дело не в

тебе.

– Смахивает на то, что как раз во мне, раз имеет ко мне отношение и все такое.

Эрин упорно смотрела в одну точку где-то между мягких черных ушей коня.

– После того, что произошло в Израиле... Я не очень уверена, что я для тебя лучший вариант.

Ухватившись за уздечку Блэкджека, Нейт остановил обеих лошадей.

– О чем это вы?

Эрин повернулась к нему лицом. Вид у него был одновременно и встревоженный, и рассерженный.

– Послушай, Нейт... Университет недоволен, что я потеряла двух аспирантов.

– Вряд ли это ваша вина.

Она продолжала, пропустив его реплику мимо ушей:

– Декан считает, что будет лучше, если я возьму академический отпуск для прочистки мозгов.

– Так я подожду, – Нейт скрестил руки на луке седла. – Не проблема.

– Ты не понял, – она теребила удила, испытывая отчаянное желание щелкнуть ими и ускакать от этого разговора прочь, но позволила трудной правде удержаться на месте. – Нейт, по-моему, это первый шаг к тому, чтобы я покинула университет.

Челюсть у него отвисла.

Эрин быстро заговорила, чтобы покончить разом.

– Тебе вовсе незачем связывать свою диссертацию с профессором, которого вот-вот вышвырнут. Ты блестящий ученый, Нейт, и я уверена, что мы можем найти тебе более приемлемого руководителя – человека, который откроет тебе двери, которые отныне для меня закрыты.

– Но...

– Я ценю твою преданность, – отрезала Эрин, – но она направлена не по адресу.

– Как раз по адресу, черт побери! – гневно вскинулся он.

– Нейт, если ты останешься, мне это ничуть не поможет. Исход моей карьеры предрешен.

– Но я выбрал вас как руководителя, потому что вы лучшая в своей сфере. – Гнев покинул его, и Нейт тяжело осунился в седле. – *Самая* лучшая. И это ничуть не изменилось.

– Кто знает? Со временем все может уладиться.

Правду говоря, Эрин не считала, что это произойдет, а в глубине души даже сомневалась, что хочет этого. На заре карьеры мир науки стал для нее раем после строгого религиозного воспитания, но теперь он уже таким не казался. Она припомнила свои мучения с преподаванием в последнем семестре. Учить вракам и дальше – выше ее сил.

И теперь Эрин не хотела кривить душой перед Нейтом ни капельки.

– И даже если все утрясется, – промолвила она, – за это время ты упустишь уникальные возможности. Я не могу поз-

волить, чтобы это произошло.

Нейт был готов спорить, протестовать. Возможно, ощутив его напряженность, его кобыла вскинула голову и начала приплясывать на передних ногах.

– Не осложняй и без того сложную ситуацию еще больше, – завершила Эрин.

Нейт потер верхнюю губу, не решаясь поднять на нее глаза. Наконец, тряхнув головой, развернул Гансмоук и галопом поскакал прочь, не проронив ни слова, направляясь обратно к конюшне.

Блэкджек заржал вслед, но Эрин удержала его, понимая, что Нейту нужно побыть одному. Дав ему хорошую фору, она тронула Блэкджека обратно шагом.

Дневное светило скрылось за холмами окончательно, но было еще достаточно светло, чтобы Блэкджек не ступил в суслицью нору. Эрин неуютно поерзала в седле и ощутила талисман Эмми в переднем кармане брюк. Она и забыла, что сунула его туда, по-прежнему толком не зная, как с ним поступить. Подумывала, не вернуть ли его родителям Эмми, но станет ли это доброй услугой? Кусок янтаря будет для них напоминанием, что их дочь выбрала профессию, которая ее убила, оросив ее кровью чужеземные пески.

Поступить так с ними Эрин не могла, – но и оставлять талисман у себя горестным напоминанием о собственной роли в смерти Эмми тоже не хотела.

По-прежнему не зная, как с ним поступить, Эрин снова

обратилась мыслями к Нейту. В Риме она спасла ему жизнь и теперь сделает все возможное, чтобы спасти его карьеру, как бы это его ни сердило. Хочется надеяться, ко времени ее возвращения в конюшню Нейт уже хоть отчасти смирится с ее решением. Так или эдак, позже вечером она отправит ему электронное письмо со списком имен. Все это состоявшиеся археологи, а ее рекомендация имеет для них весомое значение.

У Нейта все будет в порядке.

И чем дальше он от нее окажется, тем лучше.

Смирившись и придя к окончательному решению, она хлопала Блэкджека по шее.

– Пора задать тебе овса и хорошую чистку. Как тебе такое предложение?

Блэкджек вдруг напряжился под ней, заложив уши.

Эрин инстинктивно сжала колени.

Блэкджек, всхрапнув, заплясал бочком, закатывая глаза.

Что-то его напугало.

Эрин окинула открытые пастбища взором. Справа протянулась тенистая дубрава. Ветви виргинских дубов, увешанные серебристой кипенью омелы, склонялись почти к самой земле. Там может скрываться кто угодно.

Вдруг в тиши сумерек со стороны рощицы отчетливо донесся резкий треск, будто от сломанной ветки.

Достав пистолет из кобуры на щиколотке, Эрин сняла его с предохранителя, взглядом обегая опушку в поисках цели,

но там было слишком темно. Слыша в ушах грохот собственного сердца, она бросила взгляд в сторону далекой конюшни. Нейт, наверное, уже там.

Блэкджек вдруг взвился на дыбы, едва не выбросив ее из седла. Эрин прильнула к его шее, и конь галопом понесся к конюшне. Остановить или хотя бы придержать его она даже не пыталась.

Напрягая взор, Эрин от страха пыталась смотреть сразу во все стороны, ощущая во рту привкус крови от прокушенной губы.

И тут ноздри ее наполнил аромат вина.

Нет, нет, нет...

Она изо всех сил старалась не провалиться в забытие, чувствуя приближение очередного приступа и в панике вцепившись в удила Блэкджека изо всех сил. Стоит потерять контроль, и она слетит на землю.

А потом пришел худший кошмар.

Низкое рычание сотрясло ночь, прокатившись к ней по холмам. Гортанный рык издавало не живое существо, а что-то ужасное...

...и близкое.

Глава 5

19 декабря, 02 часа 02 минуты по центральноевропейскому времени

Катакомбы под Ватиканом

Рун рванулся назад-вверх. Голова ударилась о гладкий камень, со всплеском опрокинувший его в обжигающую ванну вина, и рана на виске открылась. Он пробуждался подобным образом множество раз, заточенный в каменном саркофаге, наполовину погруженный в вино – освященное и пресуществленное в кровь Христову.

Его окающая плоть пылала в окружении этой святости, плавая в море боли. Частью сознания он хотел воспротивиться, но другой понимал, что заслужил эту боль. Он согрешил века назад и теперь обрел свою истинную кару.

Но сколько времени прошло?

Часы, дни, годы?

Боль не убывала. Он грешил без меры и должен отбыть безмерную кару. А потом сможет упокоиться. Его тело *алкало* покоя – конца боли, конца греху.

И все же, чувствуя, что проваливается в забытие, Рун боролся против этого, чувствуя, что не должен сдаваться. Он облечен долгом.

Но перед чем?

Корца не позволил веждам опуститься, вглядываясь во

тму, прозреть которую не в силах даже его сверхъестественный взор. Муки продолжали терзать его ослабевшее тело, но он укротил их с помощью веры.

Протянул руку к тяжелому серебряному кресту, который всегда носил на груди, – и нашел лишь мокрую власяницу. И вспомнил. Кто-то похитил его распятие, четки, все символы его веры. Но они и не нужны ему, чтобы достичь небес. Он в безмолвии выдохнул очередную молитву и задумался над своей участью.

Где я? Когда...

Рун ощущал бремя лет – стольких, что людям и не постичь.

Века греха и служения.

Воспоминания нахлынули на него, зависшего в этом палящем море. Он погружался в них и всплывал обратно.

...конная повозка, увязшая в грязи. Он подсовывает под деревянные колеса хворост, а сестра смеется над ним, мотая длинными косами из стороны в сторону.

...могильный камень с именем женичины на нем. Та самая смеющаяся сестра. Но на сей раз на нем облачение священника.

...сбор лаванды в поле и беседы о дворцовых интригах. Бледные, белые руки кладут лиловые соцветия в плетеную корзинку.

...поезда, автомобили, аэропланы. Путешествуя по поверхности земли все быстрее, видя все меньше.

...женщина с золотистыми волосами и янтарными очами, очами, зрящими то, что его собственным недоступно.

Корца вырвался из тисков этих воспоминаний.

Важен лишь сей момент.

Лишь *сие* место.

Надо цепляться за боль, за собственное тело.

Рун принялся ощупывать свое вместилище, погружая руки в холодную жидкость, обжигающую своим прикосновением. С того лунного вечера, когда он посетил могилу сестры, он всегда был витязем Христовым. И хотя долгие столетия с той поры кровь Христова поддерживала и питала его, то же освященное вино всегда опаляло его, своей святостью воюя против зла, глубоко укоренившегося в нем.

Он сделал глубокий вдох, учуяв камень и собственную кровь. Вытянул руки и провел ладонями по полированным поверхностям вокруг себя. Коснулся мрамора – гладкого, как стекло. На крышке узилища кончики пальцев ощутили серебряную инкрустацию, опалившую их.

И все-таки он прижал ладони к этому узору и принялся толкать каменную крышку саркофага, смутно сознавая, что делал это прежде уже много раз, – и эта попытка, как и предыдущие, кончилась неудачей. Этот вес непоколебим.

Ослабев даже от этого ничтожного усилия, Рун безвольно рухнул обратно в вино.

Сложив ладони чашей, поднес обжигающую горькую влагу к губам. Кровь Христова даст ему силы, однако же и за-

ставит сызнова пережить тягчайшие из своих грехов. Укрепившись перед грядущей карой, он испил вино. И как только горло опалило огнем, сложил ладони в молитве.

Каким из грехов вино станет пытаться его на сей раз?

Уже погружаясь в видение, он постиг, что его епитимья явит грех многовековой давности.

Челядь Чахтицкого замка сгрудилась по ту сторону стальной двери комнаты в башне, лишенной окон. Внутри томилась их бывшая госпожа, обвиняемая в смертоубийстве сотен юных дев. Казнить графиню – венгерскую аристократку – было нельзя, и потому ее за преступления просто изолировали от мира в темнице, способной сдержать ее жажду крови уздой камня и стали.

Рун пришел сюда с одной целью: избавить свет от этой твари, дабы искупить свою роль в ее преображении из эсении нежной души, искушенной в целительском искусстве, в чудище, опустошавшее окрестные земли, отнимая жизни у юных дев.

Теперь он стоял перед графиней, запертый в комнате вместе с ней. Молчание слуг Корца купил золотом и посулами свободы. Они рвались прочь из замка ничуть не менее пылко, чем он.

Они тоже знали, что она такое, и пугливо жались снаружи.

Рун также доставил дар для графини – то, без чего она сотрудничать напрочь отказывалась. Дабы умиротворить

ее, он отыскал в сиротском приюте неподалеку больную горячечную отроковицу, стоящую на пороге смерти, и привез ее к этому чуду.

Стоя у края тюремного одра, Рун слушал, как сердце девочки запиналось, замедляя биение. Он пальцем не шелохнул, чтобы спасти ее. Не мог. Он должен был ждать. Он ненавидел себя, но оставался недвижим.

Наконец, слабенькое сердечко трепыхнулось в самый последний раз.

Ты будешь последней из ее жертв, мысленно пообещал он. Графиня, и сама на грани кончины, так долго голодавшая в этом каземате, подняла голову от горла отроковицы. Кровь каплями срывалась с ее белого подбородка. В серебристых глазах светилось сытое довольство – выражение, которое ему уже однажды доводилось в них видеть. Он не стал об этом задумываться, молясь, чтобы она достаточно отвлеклась, позволив ему покончить с этим, и чтобы ему достало сил свершить задуманное.

Потерпеть крах еще раз он не имеет права.

Рун склонился над ложем, отрывая ее исхудавшие члены от мертвой девочки. Бережно поднял холодное тело графини на руки и понес прочь от замаранной постели.

Она прижала свою щеку к его щеке, поднеся губы к его уху.
– Хорошо быть в твоих объятьях снова, – шепнула она, и он ей поверил. Ее серебряные глаза сияли ему. – Ты нарушишь свои обеты снова?

Она одарила его медленной, ленивой, магнетически прекрасной улыбкой. Корца ответил тем же, на миг попав под власть ее чар.

Он помнил свою любовь к ней, помнил, как в заносчивости возомнил, что смеет нарушить свою присягу сангвиниста, что может возлечь с ней, как обычный человек. Но, одержимый вспышкой вождения, сплетенный с ней, войдя в нее, утратил контроль, позволив демону в себе порвать узы. Зубы впились в ее нежное горло, и он пил вздох, пока сей сосуд почти не опустел и лежащая под ним женщина ступила на смертный порог. Чтобы спасти ее, он обратил ее в чудовище, напоив собственной кровью, чтобы удержать ее с собой, молясь, чтобы она приняла те же обеты, что и он, и вступила в Орден сангвинистов.

Она не стала.

Шорох по ту сторону толстой двери вернул его к происходящему, к мертвой девочке на ложе и многим другим, разделившим ее участь.

Он постучал в дверь носком сапога, и слуги отперли засов. Рун толчком плеча распахнул ее, и дворя бросилась опрометью прочь по темным лестницам башины.

Оставив возле двери мраморный саркофаг, покоящийся на усыпанном тростником полу. Рун заранее наполнил гроб священным вином и оставил его открытым.

Увидев, что ее ждет, она, все еще опьяненная жаждой крови, подняла голову.

– Рун?

– Это спасет тебя, – рек он. – И твою душу.

– Я не хочу спасать свою душу, – ответила она, вцепившись в него пальцами.

Не дав ей времени опамятоваться и оказать сопротивление, Корца поднял ее над открытым саркофагом и низринул в вино. Едва освященное вино коснулось ее кожи, графиня заверещала. Рун лишь сцепил зубы, зная, как ей сейчас больно, но даже сейчас желая избавить ее от страданий, приняв все на себя.

Она билась у него в руках, но в своем ослабленном состоянии не могла тягаться с ним силами. Вино расплескивалось, но он придавил графиню ко дну, не обращая внимания на отчаянное жжение вина. И радовался, что не видит ее лица, скрытого багровыми волнами.

И держал там, пока она наконец не затихла, перестав биться.

Теперь она будет спать до той поры, пока он не отыщет способ обратить вспять то, что наделал, вернуть жизнь ее мертвому сердцу.

Со слезами на глазах он поставил тяжелую каменную крышку на место, закрепив ее серебряными стяжками. Покончив с этим, прижал свои холодные ладони к мрамору и вознес молитву о ее душе.

И о своей собственной.

Рун медленно пришел в себя. Он полностью вспомнил,

как оказался здесь, в заточении в том самом саркофаге, века назад ставшем ловушкой для графини. Припомнил, как вернулся к своему саркофагу, туда, где замуровал гроб в земном чреве глубоко под Ватиканом, укрыв свой секрет от всех глаз.

Он пришел сюда по слову пророчества.

Казалось, графиня еще должна сыграть свою роль на этом свете.

После сражения за Кровавое Евангелие он отважился в одиночку отправиться туда, где похоронил свой величайший грех. Разбил кладку, взломал печати на саркофаге и извлек ее из этой ванны древнего вина. Он представил, как ее серебряные глаза, открывшись впервые за века, встретились с его взглядом. В этот краткий миг он позволил себе утратить бдительность, мысленно перенесшись в давно прошедшие лета, во времена, когда тщился верить, что способен на нечто большее, нежели на самом деле, что подобный ему способен любить, не неся погибели.

И во время этих реминисценций не заметил, что она сжимает в руке обломок кирпича. Иотреагировал слишком запоздало, когда она взмахнула твердым камнем с ненавистью, выпестованной за столетия, – а может, просто знал, что заслуживает этого.

А потом пришел в себя здесь и теперь постиг истину.

Она приговорила меня к этой темнице.

И даже отчасти понимая, что заслуживает этой участи,

знал, что обязан освободиться.

Хотя бы потому, что именно он выпустил это чудовище в ничего не подозревающий мир.

И все равно представлял ее такой, какой знал когда-то, — такой полной жизни, всегда под яркими лучами солнца. Он всегда звал ее *Элисабетой*, но теперь история окрестила ее иным именем, зловещей эпитафией.

Элисабета Батори — Кровавая Графиня.

*2 часа 22 минуты по центральноевропейскому времени
Рим, Италия*

Как приличествует ее благородному происхождению, апартаменты Элисабета выбрала роскошные. Высокие сводчатые окна заслоняли толстые занавеси алого бархата. Дубовый пол под ее холодными стопами сиял мягким золотом и дышал теплом. Она устроилась в кожаном кресле из тщательно выделанной кожи, источающем утешительный аромат давно умершего животного, пробивающийся сквозь химический запах.

На столе красного дерева передней чадил белый огарок, готовый вот-вот угаснуть. Она поднесла к его умирающему огоньку свежую свечу. Как только фитиль занялся, вдавила высокую свечу в мягкий воск предыдущей и склонилась к огоньку, предпочитая его свет резкому сиянию, полыхающему в современном Риме.

Она присвоила эти покои после убийства предыду-

щих жильцов. Потом обшарила выдвижные ящики, полные незнакомых предметов, в попытке постичь это странное столетие, собрать по кусочкам упущенную цивилизацию, изучая ее артефакты.

Но не все ключики к этому веку она нашла в ящиках.

Свет свечи играл на неровных кучках разных предметов, разложенных по столу, собранных из карманов и с трупов ее жертв. Она сосредоточила внимание на горке, увенчанной серебряным крестом. Протянула к ней руку, избегая, однако, прикосновения к яростному жару металла и благословения, которое он несет.

Принялась поглаживать серебро кончиком одного пальца. Оно обжигало, но Элисабете не было до того дела – ибо другой пострадал от его утраты куда более.

Она улыбнулась, чувствуя, как боль навевает воспоминания.

Сильные руки подняли ее из гроба с вином, вырывая из забвения, пробуждая. Как любое животное, чувствующее угрозу, она оставалась вялой, понимая, что скрытность – главное ее преимущество.

Как только зеницы отверзлись, она узнала своего благодетеля и по белому воротничку-колоратке, и по темным глазам и суровому лицу.

Отец Рун Корца.

Тот самый человек, каковой обманом упек ее в эту домовину.

Но сколько времени утекло?

Когда он ее поднял, Элисабета позволила руке упасть на землю. Тыльная сторона кисти легла на валяющийся камень.

Она улыбнулась Руну. Он улыбнулся в ответ с сияющей в глазах любовью.

Со сверхъестественной быстротой она ударила камнем ему в висок. Другая ее рука скользнула в его рукав, где Рун всегда держал свой серебряный нож. И схватила его прежде, чем Рун выронил ее. Еще удар – и он рухнул.

Она быстро перекатилась поверх него, отыскивая зубами холодную плоть его белого горла. И как только пронзила его кожу, участь его оказалась в ее руках. Ей пришлось силой сдержаться, чтобы перестать пить, не доводя его до смерти, и собрать волю, чтобы вылить половину вина из гроба, прежде чем запереть Руна внутри. Но она должна была так поступить. Потому что, полностью погрузившись в вино, он бы просто спал, как она, пока не пришло бы спасение.

Вместо того она оставила лишь толику вина, понимая, что вскоре он очнется в своем одиноком узилище и будет медленно умирать от голода, как она, когда была заточена в башне своего замка.

Убрав палец с похищенного креста, Элисабета позволила себе на мгновение предаться холодному упоению. Переместила руку, ведя пальцами по потрепанной туфле поверх

другой груды.

Эта кожаная безделка знаменовала ее первое убийство в этом новом веке.

Она смаковала этот момент.

Когда она бежала из темных катакомб – не представляя, ни где она, ни когда, – грубые камни иссекли кожаные подошвы ее туфельек и порезали ей стопы. Она не обращала внимания. У нее был единственный шанс бежать.

Она не ведала, куда бежит, но узнавала стопами священную землю под ногами, ослаблявшую мышцы и замедлявшую шаг. И все же Элисабета чувствовала себя могучей как никогда. Пребывание в вине укрепило ее силы – и насколько, оставалось лишь догадываться.

А затем звук биения сердца остановил ее безрассудное бегство по темным тоннелям.

Человек.

Сердце билось ровно и спокойно, еще не ощутив ее присутствия. Обессилев от голода, она прислонилась спиной к стене туннеля и облизнула губы, чувствуя горечь крови сангвиниста. Она жаждала отведать чего-нибудь более сладостного и горячего.

Тьму озаряло мерцание дальней свечи. Элисабета услышала приближающийся перестук каблучков.

Потом прозвучало имя.

– Рун?

Она распласталась спиной по холодному камню. Значит,

кто-то ищет попа.

Украдкой двинувшись вперед, Элисабета углядела сумрачную фигуру, ступившую из-за дальнего угла в ее сторону. Свеча в подсвечнике, поднятая одной рукой вверх, осветила коричневую монашескую сутану.

Не заметив ее, монах двинулся вперед, не ведая об опасности.

Как только он оказался достаточно близко, она выскочила, повергнув его теплое тело на пол. Не успел он и охнуть, как ее зубы уже отыскивали его соблазнительное горло. Кровь хлынула в нее волна за волной, умножая ее силы еще более. Она упивалась блаженством, как каждый раз с самого первого. Ей хотелось смеяться от радости.

Рун пытался заставить ее променять это могущество на опаляющее вино, на жизнь, отданную служению его Церкви.

Ни за что.

Истоцив источник, Элисабета выпустила бrenную оболочку, с любопытством задержав пальцы на ткани его одеяний. На холстину не похоже. Ткань скользкая, наподобие шелка, но не шелк.

Она ощутила всколыхнувшееся беспокойство.

Когда монах упал, свеча погасла, но уголек на кончике фитиля еще тускло рдел. Она раздула его свечение до бледно-оранжевого.

При этом призрачном свете обшарила остывающий

труп, снова чувствуя отвращение от скользкости материи. Обнаружила серебряный наперсный крест, но тут же отдернула руку от его обжигающего прикосновения.

Дойдя до ног, стащила туфлю с мертвой стопы, ощутив нечто странное и здесь, и поднесла ее к свету. Потрепанный кожаный верх был ничем не примечателен, а вот подошва оказалась сделана из толстого губчатого вещества. Подобного она еще не видела. Ущипнула материал большим и указательным пальцами. Тот поддался, а потом распрямился, как юное деревце.

Она присела на корточки, задумавшись. Такого диковинного материала не существовало, когда Рун заманил ее в гроб с вином, но теперь он достаточно распространен, чтобы его носил даже смиренный монах.

Элисабета вдруг едва сдержала вопль, ощутив пропасть, отделившую ее от прошлого. И поняла, что пробыла в забвении не дни, не недели и даже не месяцы. А годы, десятилетия, а то и века.

Она приняла эту жестокую истину, тотчас уразумев и другую.

В этом странном новом мире нужно проявлять особенную осмотрительность.

И она не зевала. Оставив туфлю, взяла со стола белый мячик с красной звездой. Поверхность как человеческая кожа, только глаже. Несмотря на вызванное мячом омерзение, Элисабета заставила себя удерживать его, подбрасывая в воз-

дух и ловя снова.

Покинув катакомбы, она была ужасно напугана.

Но вскоре пугаться стали ее.

Она пробиралась по туннелям, предполагая наткнуться на других монахов. Но так и не нашла ни одного, следуя все выше, навстречу шепоту отдаленных сердцебиений.

В конце концов, добравшись до толстой деревянной двери, без труда проломил ее – и ступила на вольный воздух. Он ласкал ее тело, осушая вымоченное в вине платье и донося знакомые ароматы людей, благовоний, камней, реки. Но еще и запахи, не чуждые дотопе, – едкое зловоние, приличное, пожалуй, только мастерским алхимиков. Смерд толкнул ее обратно к двери, едва не заставив попятиться через порог, в укрытие темных тоннелей.

Чуждый мир ужасал ее.

Но графине не пристало выказывать страх перед чем бы то ни было.

Выпрямив спину, Элисабета шагнула вперед горделиво, как надлежит благородной даме, сложив руки перед собой, насторожив взор и слух.

Отступив от двери, она тотчас же признала колонны по обе стороны, массивный купол, возносящийся слева и даже шпиль на площади впереди. Египетский обелиск возвели на пьестале в том же году, когда родилась ее дочь Анна.

Узрев все это, она успокоилась, уразумев, где находится. Площадь Святого Петра.

В ней затеплилось сардоническое веселье.

Рун скрывал ее под градом Священным.

Она дошла до края пьядцы. На площади была изображена сцена Рождества Христова в натуральную величину, освещенная чересчур уж ярко, резким и безжалостным сиянием сверхприродного пламени. Свет ранил взор Элисабеты, и она чуралась его, держась у колоннады, обрамляющей площадь.

Зато эта сцена хотя бы подсказала, в каком месяце, если не в году, она пробудилась.

Декабрь, канун Рождества.

Мимо прошла чета.

Чувствуя себя не в своей тарелке, Элисабета скользнула за мраморную колонну. Женищина, как и мужчина, была одета в портки. Ее короткие волосы ниспадали лишь до плеч, а спутник, беседуя с ней, держал ее за руку.

Таких высоких женищин Элисабета еще не видала.

Скрывшись за колонной, она разглядывала другие фигуры, движущиеся по площади. Все ярко разряжены, укутаны в толстые кафтаны, пошитые очень изящно. Из одной из соседних улиц выехала странная повозка, озаряя себе путь лучами неземного света, не запряженная никакими животными.

Дрожь, Элисабета прислонилась к колонне. Этот новый мир грозил ошеломить ее, обратить в камень. Понуриив голову, она заставила себя дышать. Надо отгородиться от всего этого, найти себе одну крохотную задачу... и эту за-

дачу осуществить.

В ноздри пахло вином. Она потрогала свое сырое одеяние. Так не пойдет. Снова оглядела площадь, рассматривая жещин в столь диковинных нарядах. Чтобы улизнуть отсюда, нужно стать волком в овечьей шкуре, ибо если они догадаются, кто она такая, гибель неминуема.

Сколько бы лет ни прошло, эта истина останется неизменной.

Элисабета изо всех сил сжала кулаки, впившись ногтями в ладони. Она не хотела покидать знакомое окружение, чувствуя, что за пределами площади ее ждет нечто куда более чуждое, нежели в ее рубежах.

Но идти хочешь не хочешь надо.

Графине не пристало чуждаться своего долга.

А ее долг — выжить.

Чуя, что до рассвета еще долгие часы, она опустилась в тень колоннады. И сидела там не дыша, не шевелясь, недвижная, как статуя, прислушиваясь к хаотическим бияниям человеческих сердец, к словам многих наречий, к то и дело раздающемуся смеху.

Эти люди так не похожи на мужчин и жещин ее времени.

Выше, громче, сильнее и упитаннее.

Больше всего ее поражали жещины, одетые в мужские одежды — штаны и рубашки. Они расхаживали без страха. Резко разговаривали с мужчинами, не опасаясь взбучки, и

вообще вели себя, будто ровня, вовсе не взвешивая каждый жест и слово, как приходилось ей в свое время, а непринужденно, словно это в порядке вещей и принято повсеместно.

Многообещающая эпоха.

Беззаботно подошла молодая женищина, ведя малое дитя. Женищина куталась в бордовое шерстяное пальто, на ногах же у нее были сапожки для верховой езды, хотя, судя по запаху, они даже близко от лошади не ступали ни разу.

Женищина, мелкая для этого времени, ростом была примерно с саму Элисабету.

Дитя выронило белый мячик с красной звездой на нем, и тот откатился в тень, остановившись на расстоянии ладони от разбитых туфельек Элисаветы. От мячика пахло так же, как от подметок туфель попка. Идти за игрушкой дитя отказывалось, будто учуяв татя, затаившегося во мраке.

Мать уговаривала девочку на диковинно звучащем итальянском, махая рукой в сторону леса колонн. Но малыша упорно трясла головой.

Элисабета провела кончиком языка по своим острым зубам, страстно желая, чтобы мать сама отправилась за цацкой. Она уж сумеет отобрать у женищины жизнь, похитить ее скорбь и скрыться, прежде чем осиротевшее дитя позовет на помощь.

Таясь во мраке, она наслаждалась напуганным трепыханием детского сердечка, слушая, как интонации матери

становятся все более раздраженными.

Она выждала подходящий момент в этом странном времени.

И совершила прыжок.

Элисабета со вздохом опустила мячик на стол, утратив интерес к своим трофеям.

Встав, перешла к обширным гардеробам спальни, набитым шелками, бархатом, мехами – сплошь похищенными у жертв за эти многие недели. Каждую ночь она прихорашивалась перед серебряными зеркалами, лишенными малейшего изъяна, выбирая себе новый наряд. Некоторые из одежд казались почти знакомыми, другие столь же нелепыми, как платье менестреля.

Нынче вечером она выбрала мягкие голубые штаны, шелковую рубашку под цвет своих серебряных глаз и пару тонких кожаных ботинок. Провела гребешком по густым волосам цвета воронова крыла. Подрезала их до плеч на тот же манер, что у женщины, которую убила под мостом.

Теперь она выглядит совсем иным человеком. Что сказали бы Анна, Екатерина и Павел, узри они ее сейчас? Родные дети не признали бы ее.

И все же она напомнила себе: «Я графиня Элисабета из Эчеда».

И тут же поглядела на себя с прищуром.

Нет.

– Элизабет... – прошептала она отражению, напоминая

себе, что настали новые времена, и чтобы выжить в них, она должна следовать их обычаям. Так что она примет это более современное имя и будет носить его, как носит новую прическу и одежду. Вот кем она станет. Она сыграла уже множество ролей с той поры, как была обручена с Ференцем в возрасте одиннадцати лет, – порывистой отроковицы, одинокой жены, школяра языков, искусной целительницы, любящей матери, – ролей много, и не сочтешь. И это всего лишь очередная из них.

Элисабета чуть повернулась туда-сюда, оценивающим взглядом озирая свой новый облик в зеркале. С короткими волосами и в брюках она похожа на мужчину. Но она не мужчина и больше не завидует мужчинам за их силу и могущество.

Теперь они есть и у нее самой.

Подойдя к окнам балкона, она отдернула мягкие шторы. И взглянула на сияющее великолепие рукотворных огней нового Рима. Он все еще остается странным и пугающе чуждым, но она возобладала над ним довольно, чтобы питаться, отдыхать и учиться.

А еще она черпала силу в одной особенности города, в одном ритме, уцелевшем без перемен на протяжении столетий. Смежив вежды, прислушалась к тысячам бьющихся сердец, тикающих, словно тысячи часов, давая ей знать, что в конце концов ход времени особого значения не имеет.

Она знала, что пришло ее время – время, *всегда* отведен-

ное для хищников, подобных ей.

И распахнула двери балкона навстречу ночи.

Настало время охоты.

Глава 6

18 декабря, 17 часов 34 минуты по тихоокеанскому стандартному времени

Округ Санта-Клара, Калифорния

В сумерках, опускающихся на холмы и луга, Эринпустила коня в галоп, одолевая последний отрезок до конюшен. Понукать Блэкджека не требовалось, он и сам влетел во двор на полном скаку.

Одной рукой придерживая поводья, вторую она не снимала с рукояти пистолета. Как только мерин, немного проехавшись по инерции, остановился среди пыльного двора, она обернулась в седле, направив оружие в сторону черных холмов.

Скача сюда, Эрин не сумела разглядеть зверя, напугавшего лошадь, но *слышала* его. Треск ломаемых ветвей и хвоста преследовал их всю дорогу от холмов. Она не могла отделаться от ощущения, что призрачный охотник играет с ними, дожидаясь для нападения лишь полной темноты.

Давать ему этот шанс она не намеревалась.

Эрин рысцой проехала на Блэкджеке мимо своего старого «Лендровера», чтобы, к своему изумлению, обнаружить еще один автомобиль – черный «Линкольн Таункар», припаркованный в дальнем конце двора. Минуя его по пути к конюшне, Эрин заметила на дверце знакомый символ – два ключа

крест-накрест и тиару.

Герб Святого Престола.

Страх в ее душе всколыхнулся еще выше.

Что здесь понадобилось кому-то из Ватикана?

Поискав взглядом, но не увидев никого, она поторопила Блэкджека к раздвижным дверям конюшни. Подъехав, натянула поводья, после чего, кашляя от пыли, соскользнула с седла, продолжая держать одновременно уздечку Блэкджека и пистолет. В поисках и ответов, и укрытия она поспешила к дверям и взялась за ручку.

Но прежде чем пальцы обхватили ее, дверь отъехала сама по себе. Выскочившая оттуда рука железной хваткой вцепилась в запястье Эрин, рванув через порог. От неожиданности она выпустила уздечку Блэкджека, стараясь лишь удержаться на ногах.

Нападающий увлек ее во тьму конюшни, и дверь за ней с грохотом захлопнулась, оставив коня снаружи. Восстановив равновесие, Эрин извернулась и пнула изо всех сил, попав сапогом во что-то мягкое.

– Ой! Полегче, Эрин!

Она тотчас же узнала этот голос, хотя откуда бы ему тут взяться?

– Джордан?!

Руки отпустили ее.

Со щелчком включился фонарик, и белый луч осветил лицо сержанта Стоуна. За спиной сержанта маячил Нейт – жи-

вой-здоровый, но какой-то бледный, с широко распахнутыми глазами.

Джордан потер живот, сверкнув ей своей кривоватой улыбкой, тотчас прогнав изрядную часть напряжения, пульсировавшего у нее в жилах. На нем были парадные брюки и белая рубашка с расстегнутым воротничком и закатанными до локтей рукавами, открывавшими взору его мускулистые загорелые предплечья.

Бросившись к нему, Эрин обняла его крепко-крепко. В объятьях Джордана было так тепло и уютно, и ее обрадовало, что она снова оказалась в них так легко и естественно.

– Прямо не верится, что это ты, – пробормотала она ему в грудь.

– Во плоти... хотя после твоего пинка, пожалуй, чуточку больной.

Эрин отстранилась, чтобы окинуть его взглядом. Квадратный подбородок подернут суточной щетиной, голубые глаза улыбаются ей, а волосы явно отросли. Она провела пальцами по его густым белокурым волосам и притянула его голову для поцелуя.

Больше всего ей хотелось продлить этот момент, побыть в его объятьях еще, а то и показать сеновал наверху, но она отпрянула, повинувшись более настоящей заботе.

– Блэкджек, – сказала она, – мой конь. Нужно завести его внутрь. Среди холмов кто-то есть.

Она обернулась к двери – и тут же раздалось отчаянное

ржание, пронзившее ночь и быстро оборвавшееся. Прежде чем кто-либо успел пошевелиться, что-то тяжелое ударилось о соседнюю стену. Они отбежали поглубже в конюшню, где находились в стойлах другие лошади. Эрин поглядела на дверь.

Нет, пожалуйста, нет...

Она представила своего крупного мерина, его доверчивый взгляд и мягкий нос, как он приплясывал, радуясь, нежное ржание, которым приветствовал ее, как только она входила в конюшню.

Джордан взял на изготовку свой черный «хеклер и кох MP7» – зловеще выглядящий пистолет-пулемет. Эрин же, уразумев проблему, приподняла свой небольшой «глок-19».

– Мне нужно что-то побольше.

Передав свой фонарик Нейту, Джордан потянулся к поясу, извлек свой «кольт 1911» – тот самый пистолет, который частенько одалживал ей в прошлом, – и передал Эрин. Ощувив рукоятку в ладони, она почувствовала себя спокойнее. И уже повернулась, чтобы отдать свой «глок» Нейту для самозащиты, когда вдруг из тени выступил чужак, напугав ее. На нем был парадный темно-синий мундир с двумя золотыми крестами, вышитыми на лацканах.

Капеллан?

– Не хочется прерывать ваше счастливое воссоединение, – изрек незнакомец, – но самое время подумать, как отсюда выбраться. Я поискал другие выходы, но похоже, главная

дверь – все равно путь самый разумный.

– Это Христиан, – представил Джордан. – Друг Руна, если улавливаешь, куда я клоню.

Иначе говоря, *сангвинист*.

– Машина профессора припаркована ярдах в пятидесяти, – голос Нейта явственно дрожал. – Сможем ли мы до нее добраться?

Вместо ответа ночь разорвал противоестественный визг.

В стойлах вокруг них лошади били копытами и налегали на двери, ржанием выражая нарастающий страх. Даже они знали, что надеяться можно лишь на бегство.

– А что ждет нас там? – спросил Джордан, держа двери на прицеле.

– Судя по запаху и шипению, полагаю, это кугуар, – сообщил Христиан. – Хотя и поганый.

Поганый?

Эрин похолодела.

– Вы говорите о *бласфемаре*.

Капеллан склонил голову в знак подтверждения.

Бласфемаре – анафемский *беспощадный зверь*, чья кровь осквернена, отравлена кровью стригоя, принявший чудовищную ипостась своего естественного обличья, со шкурой настолько прочной, что сангвинисты делают из их шкур доспехи.

Нейт втянул воздух сквозь зубы. Прикоснувшись к нему ладонью, Эрин ощутила, что он дрожит. И винить тут его не

за что. *Беспощадный волк* однажды жестоко его изувечил.

Надо вытащить Нейта отсюда.

Слева вдруг раздался треск ломающегося дерева. Нейт повернул фонарик на шум. Четыре крючковатых когтя пронзили толстые доски из красного дерева. Запаниковав, Нейт выстрелил туда из «глока».

Когти исчезли, и тут же снова раздалось воющее верещание, уже более сердитое.

– По-моему, ты его взбесил, – заметил Джордан.

– Извините, – пробормотал Нейт.

– Не волнуйся. Если бы ты не выстрелил, это сделал бы я.

Кошка бросилась на ту же стену, сотрясая стропила, словно пытаясь вломиться внутрь.

– Пора двигаться, – Христиан указал на дверь впереди. – Я выйду первым, попытаюсь его отвлечь, а вы следом на счет «десять». Бегите напрямиком к «Лендроверу» Эрин и уезжайте.

– А вы? – спросил Джордан.

– Если мне повезет, захватите меня. Если нет, бросите.

Прежде чем кто-либо успел возразить, Христиан за один вдох одолел расстояние до ворот, схватился за ручку и распахнул врезанную в них дверь. Перед ним раскинулась площадка, покрытая пылью и травой. Вдали стояли выдавший виды «Лендровер» Эрин и блестящий «Линкольн Таункар». Обе машины казались куда дальше, чем пару минут назад, когда Эрин подъезжала сюда на Блэкджеке.

Христиан ступил в ночь, освещенную лишь лампочкой над дверью. Отблеск серебра показал, что он извлек клинок, а затем скрылся, метнувшись влево.

Джордан держал автомат наготове, просто начав мысленный отсчет.

Эрин отвернулась, вспомнив Блэкджека. Поспешно устремившись вдоль шести стойл, она принялась откидывать щеколды и распахивать двери. Нельзя оставлять лошадей в западне на погибель вслед за Блэкджеком. Они заслуживают шанса на бегство.

Напуганные лошади с топотом вырывались из стойл, проносясь между Джорданом и Нейтом. Гансмоук последовала последней. Когда она скакала мимо, Нейт коснулся пальцами взмыленных боков лошади, словно желая последовать за ней. Добежав до дверей, лошади скрылись в ночи.

– И-и... десять! – бросил Джордан, махнув рукой в сторону распахнутых дверей.

Они втроем ринулись вперед, во двор, где еще не осела пыль после бегства лошадей. Джордан держался слева, направив свой автомат в том направлении, где скрылся Христиан.

Внимание Эрин, вместе с Нейтом во весь дух бежавшей к «Лендроверу», привлекло какое-то движение со стороны конюшни. Из-за дальнего угла, спотыкаясь, вышел Христиан, тут же рухнув на четвереньки.

Из-за того же угла крадучись появился чудовищный

зверь.

При виде него Эрин прямо рот разинула. Нейт оступился, упав на одно колено.

Кугуар выбежал во двор, дергая хвостом вперед-назад. В длину он явно превышал девять футов, явив взору более трехсот фунтов мышц, когтей и клыков. Высокие, острые уши с кисточками чутко ловили каждый шорох. Красно-золотистые глаза сияли во тьме. Но более всего поражал его пепельно-седой мех, будто клок тумана, обретший плоть.

– Вперед! – подогнал Джордан, увидев, что она сбавила шаг, чтобы помочь Нейту. – О нем позабочусь я.

А кто позаботится о тебе?

Эрин осталась с ними, вскинув свой «кольт».

В том конце двора зверь зарычал на Христиана, оскалив длинные клыки, – и прыгнул. Но это был обманный маневр. Проскочив мимо капеллана-сангвиниста, тварь устремилась прямо на них.

К этому времени Джордан успел вздернуть Нейта на ноги, но убраться с дороги зверя оба уже не успевали. Не сходя с места перед ними, Эрин нажала на спусковой крючок. Пуля угодила животному в лоб, но оно лишь тряхнуло головой, снова устремляясь вперед.

Эрин продолжала стрелять в надвигающегося зверя.

Пока Нейт не будет в безопасности, бегство не для нее.

Она нажимала на спусковой крючок снова и снова – пока наконец затвор «кольта» не зафиксировался в заднем поло-

жении. Патроны кончились.

Присев на задние лапы, кошка совершила прыжок, покрывающая оставшееся расстояние.

Ватикан

Рун весь так и напружинился от ужаса.

Она в опасности...

Он мысленным взором увидел пряди светлых волос и янтарные глаза. Ноздри наполнил аромат лаванды. Боль засломила ее имя, оставив ему только нужду и желание.

Должен добраться до нее...

Паника вибрировала в теле струной, и он забился, переворачиваясь в обжигающем вине на живот, преодолевая страдания, пытаясь думать, мучительно цепляясь за единственную мысль, бьющуюся в голове.

Нельзя позволить ей умереть.

Он поднялся на четвереньки, упираясь спиной в каменную крышку саркофага. И, собрав всю свою веру, всю силу и весь страх, толкнул мраморную плиту.

Под скрежет камня о камень крышка сдвинулась. Пусть не более чем на ширину пальца, но сдвинулась.

Скрипя зубами, Корца толкнул снова, надсаживаясь, разрывая сутану. Серебряная инкрустация в мраморной плите над ним тавром впечаталась в обнаженную спину. Рун ноздрями чувал запах горячей кожи, чувствовал, как течет кровь.

И все равно надрывал каждую жилку, вкладывая все силы,

всю волю до капли.

Его существование стало одной звенящей нотой стремления.

Спаси ее.

Округ Санта-Клара, Калифорния

Джордан всем телом налетел на Эрин, сшибив ее с ног.

Падая навзничь, она увидела, как анафемская кошка пролетает над ними. Задняя лапа врезалась в землю рядом с головой Джордана, подняв пыль. Кугуар развернулся, издавая шипящий визг неутоленного желания.

Все еще лежа на земле, Джордан перекатился на плечо, вскинув «хеклер и кох», и открыл огонь в полностью автоматическом режиме. Очередь пропахала след по боку поворачивающегося зверя, срывая клочья меха и проливая кровь, но совсем немного.

Он выпустил весь магазин, все сорок патронов менее чем за три секунды.

И добился лишь того, что рассердил кошку.

Кугуар обернулся к нему, припав к земле, впиваясь когтями глубоко в сухую, окаменевшую глину. И полузарычал-полузашипел, будто котел паровоза.

Джордан перехватил опустевшее оружие за ствол, чтобы употребить его вместо дубинки, уподобившись пещерным предкам.

И тут, голубым проблеском мелькнув в воздухе, неболь-

шой предмет угодил зверюге в голову. Серебряный нож, пронзивший ей ухо. Потекла темная кровь. Кошка взвыла и принялась кататься по земле, трясая головой и пытаясь дотянуться до Христиана.

Но сангвинист оказался проворнее, соскользнув с крупа кошки и увернувшись от хвоста.

– Давайте в «Ровер»! – заорал Христиан, ныряя под заднюю лапу, целившую по нему, со свистом рассекая воздух бритвенно-острыми когтями.

Вздернув Эрин на ноги, Джордан вместе с ней припустил к «Лендроверу».

Впереди Нейт, уже добравшийся до внедорожника, распахнул обе дверцы со стороны водителя – и забрался на заднее сиденье.

Вот молодец!

Джордан бежал рядом с Эрин. Как только они достигли «Ровера», он нырнул на водительское сиденье в тот самый миг, когда она бросилась на заднее, рядом с Нейтом. Обе дверцы захлопнулись одновременно.

Протянув руку на переднее сиденье, Эрин плюхнула холодные ключи в раскрытую в ожидании ладонь Стоуна.

Джордан плотоядно ухмыльнулся. Они составили отличную команду, и теперь главное – позаботиться, чтобы эта команда осталась в живых. Включив зажигание, он завел двигатель и дал задний ход, одновременно выворачивая в сторону.

И как только развернулся, фары выхватили кугуара из тьмы. Его призрачно-серая шерсть засияла в лучах света. Кошка развернулась к автомобилю, будто клубящееся грозовое облако, щуря свои золотисто-красные глаза на свет.

Христиан стоял в паре шагов позади нее.

Зарывав, кугуар скакнул к «Лендроверу», не в силах устоять перед звуком и движением.

Типичная кошка...

Джордан рванул прочь задним ходом, стараясь удерживать машину так, чтобы фары светили зверю прямо в глаза.

Это развязало руки Христиану, и он спринтом устремился к своему черному седану.

Припустившая во весь дух кошка мало-помалу настигала автомобиль. Джордан боялся, что на этих проселках зверь может запросто обогнать их. Будто в доказательство, зверюга прыгнула, всей грудью обрушившись на капот. Когти рвали тонкий металл. Тяжелая лапа ударила в ветровое стекло, тотчас покрывшееся сетью трещин.

Еще один такой удар – и зверь заберется на переднее сиденье.

И тут вдруг громко, надрывно, непрерывно загундосил автомобильный клаксон.

Взвыв от этого внезапного звука, кугуар взвился с капота, будто ему хвост прищемили. Извернувшись в воздухе, приземлился мордой к новому раздражителю, в ярости прижав уши к черепу.

Позади животного Джордан увидел Христиана. Сангвинист скорчился на заднем сиденье своего «Таункара», навалившись на спинки передних сидений и протянув руку к рулю, снова и снова нажимая на кнопку клаксона.

Все окна седана были опущены.

Что ты творишь?!

Кошка устремилаь на шум.

Резко затормозив, Джордан перебрросил передачу на переднюю и погнал машину за кугуаром, едва не наезжая ему на хвост. Он понимал, что не успеет добраться до автомобиля раньше зверя, но намеревался быть на месте, чтобы помочь Христиану.

Кугуар врезался в бок «Таункара» всем телом, сдвинув его на добрый фут и оставив глубокую вмятину. Христиана отбросило на спинку заднего сиденья. Рев клаксона тотчас оборвался, и в воздухе рокотало только kloкочущее шипение исполинской кошки.

Углядев жертву внутри, кугуар протиснул голову и плечи в заднее окно, пытаясь добраться до священника.

Джордан вдавил педаль газа в пол, собираясь врезаться в зверюгу сзади, если понадобится.

Выбирайся оттуда, приятель!

Кошка извивалась и била задними лапами, протискиваясь через окно внутрь автомобиля. Тварь вписывалась в окно впритирку, но настроена была решительно.

И тут Христиан выскользнул через окно с другой стороны.

– Там! – крикнула Эрин, тоже углядев его.

Джордан бросил «Ровер» в занос, разворачивая машину вокруг заднего бампера седана.

Проковыляв несколько шагов прочь от «Таункара», Христиан нацелил брелок ключей на автомобиль. Нажал на кнопку – и окна поднялись, а автомобиль дважды чирикнул.

Джордан едва не рассмеялся, увидев дерзостную военную хитрость Христиана.

Он запер кугуара в автомобиле.

Зверюга с рычанием яростно забилась внутри, раскачивая седан.

Джордан покатил к Христиану.

– Вас подбросить?

Открыв переднюю пассажирскую дверцу, капеллан забрался внутрь.

– Гоните. И побыстрее. Не знаю, долго ли продержится моя ловушка.

Джордан понял без лишних слов. Прибавив оборотов, вывел «Лендровер» со двора конюшни и погнал его по ухаби-стому проселку в сторону шоссе. Нужно оторваться от разъяренной кошки как можно дальше.

Достав из кармана мобильный телефон, Христиан начал выкрикивать в него какие-то приказы на латыни.

– Что он говорит? – поинтересовался Джордан у Эрин.

– Вызывает подмогу, – сообщила она. – Чтобы кто-нибудь избавился от этого кугуара.

Закончив звонок, Христиан оглянулся в сторону конюшни.

– Надеюсь, твари в автомобиле настолько тесно, что она не сможет хорошенько размахнуться, чтобы вышибить ударопрочное стекло.

Эрин кашлянула.

– Но почему он вообще здесь оказался? И почему преследует меня?

Джордан бросил взгляд на Христиана.

– Примите мои извинения, – удрученно проронил тот. – Но я полагаю, некто учуял, что мы с Джорданом ищем вашей помощи. Возможно, весточка попала не в те уши. Как вам известно, Орден питает подозрения, что изменники-велиалы скрываются в наших же рядах. Боюсь, я был недостаточно осмотрителен.

Велиал...

Эрин представила воинство стригоев и людей, сплоченных под началом неведомого предводителя. Даже тесные ряды Ордена сангвинистов уязвимы для происков и проникновения этих вероотступников.

– Может, дело и не в вас, – возразила она, протягивая руку, чтобы пожать ему плечо. – Кардинал Бернارد тоже мне звонил сегодня с утра. Не исключено, что он где-то проговорился. Но так или иначе, давайте отложим это до поры, когда Нейт окажется где-нибудь в безопасном месте.

– А моего мнения уже никто не спрашивает? – с обидой

встрял Хайсмит.

– Именно так, – отрезал Христиан. – Полученные мной приказания ясны и недвусмысленны. Я должен доставить Эрин и Джордана обратно в Рим. И всё.

У Джордана возникли сомнения, что слова капеллана соответствуют истине. Возможно, он просто пытается снять бремя с души Эрин.

– А почему именно в Рим? – поинтересовалась женщина. Христиан повернулся к ней лицом.

– Похоже, за всей этой суматохой мы позабыли уведомить вас. Отец Рун Корца пропал. Исчез вскоре после кровавой бани в Риме.

Бросив взгляд в зеркальце заднего вида, Джордан заметил озабоченность во взгляде Эрин, заметил, как она вскинула руку к горлу, где сохранились шрамы от укуса Руна в том месте, где он отведал ее крови. Впрочем, судя по встревоженному виду, она беспокоится о святом отце-сангвинисте искренне и всерьез.

– А я-то тут при чем? – спросила Эрин.

– А при том, доктор Грейнджер, – улыбнулся ей Христиан, – что вы единственная, кто способен его отыскать.

Джордану было наплевать на исчезновение Руна Корцы. Будь его воля, он бы лишь порадовался, если этого субъекта простыл и след. Именно сейчас его интересовало решение лишь одной тайны.

Кто послал чертову кошку?

Глава 7

19 декабря, 04 часа 34 минуты по центральноевропейскому времени

Рим, Италия

С антикварным часовым пинцетом в руках предводитель велиалов сторбился над рабочим столом, зажав лупу в одной из глазниц. И с предельной осторожностью завел тоненькую бронзовую пружинку в сердце механизма размером с ноготок.

Натянувшаяся пружина вошла в зацепление.

Удовлетворенно улыбнувшись, он закрыл створки механизма, образовав некое подобие металлической фигурки насекомого с шестью членистыми лапками и безглазой головой. Последняя щетинилась острым, как иголка, серебряным хоботком и парой перистых бронзовых антенн.

Переместился к другому участку рабочего стола и недрогнувшей рукой подхватил пинцетом с ложа из белого шелка отделенное переднее крылышко мотылька. Поднес этот радужный лепесток к свету галогеновой рабочей лампы. Чешуйки мотылька переливались серебристой зеленью, почти не скрывая деликатный узор внутренней структуры крылышка *Actias luna* – сатурнии луны. При полном размахе крыльев в четыре дюйма это одна из крупнейших бабочек в мире.

Осторожными, отработанными движениями он приладил хрупкое крылышко к крохотным зажимам бронзово-серебряного грудного отдела своего механического творения. Повторил ту же операцию с другим передним крылышком и обоими задними. Механизм грудки, состоящий из сотен зубчатых колесиков и пружин, ждал лишь часа, чтобы вдохнуть жизнь в эти красивые органические крылья.

Закончив работу, он полюбовался каждым изделием. Он любил точность своих творений, то, как каждая шестеренка цепляется за другую, являясь неотъемлемой частью более крупной конструкции. Годами он делал часы, нуждаясь в приборе, отмеряющем время, отсчитывать которое собственным телом он не мог. Но со временем его интерес и искусство переключились на создание этих крохотных автоматов – наполовину машин, наполовину живых существ, по его воле устремленных в вечность.

Обычно он обретал мир и покой в столь замысловатой работе, настраивающей на ненатужную сосредоточенность. Но нынче ночью это безупречное спокойствие ускользало от него. Не могло умиротворить даже негромкое журчание устроенного рядом фонтана. Его вековечный замысел – затейливый и деликатный, как любой из его механизмов, – оказался под ударом.

Когда он вносил крохотные поправки в последнее из своих творений, кончик пинцета задрожал, и он порвал деликатное переднее крылышко, просыпав радужные зеленова-

тые чешуйки на белый шелк. Изрыгнул проклятие, которого никто не слышал со времен Древнего Рима, и швырнул пинцет на стеклянную поверхность рабочего стола.

Сделал долгий вдох, стремясь восстановить душевный покой.

Тот бежал от него.

Будто по подсказке, на столе зазвонил телефон.

Он потер виски длинными пальцами, будто стремясь утихомирить мысли воздействием извне.

– Si⁷, Рената?

– Пришел отец Леопольд, ждет внизу в вестибюле, сеньор, – раздался из динамика скучающий голос его красавицы секретарши. Он спас ее от сексуального рабства и жизни на улицах Турции, и она платит ему преданным, хотя и равнодушным, служением. За годы обоюдного знакомства она ни разу не выразила удивления. И эту черту он уважает.

– Впусти его.

Встав, он потянулся и подошел к ряду окон позади рабочего стола. Его компания – корпорация «Аргентум» – владеет высочайшим небоскребом в Риме, и его кабинет занимает самый верхний этаж. Из пентхауса сквозь прозрачные стены из пуленепробиваемого стекла открывается вид на Вечный город. Пол у него под ногами сделан из полированного пурпурно-красного мрамора, императорского порфира, столь редкого, что он встречается лишь в одном ме-

⁷ Да (*um.*).

сте на планете – в египетской горе, которую римляне называли *Mons Porphyrites*, сиречь Порфирная гора. Он был открыт при жизни Христа и стал мрамором царей, императоров и богов.

Пятьдесят лет назад он разработал и выстроил этот шпиль вместе со всемирно известным архитектором. Конечно, теперь этот человек мертв. А вот он остался, ничуть не переменившись.

Он взгляделся в свое отражение. Во время естественной жизни лицо его покрывали шрамы от плети, изувечившей его в детстве, но когда анафема нескончаемых лет постигла его, изъяны исчезли. Теперь он не мог и припомнить, где были эти шрамы. Перед глазами была лишь гладкая, безупречная кожа, россыпь лучистых морщинок вокруг серебристо-серых глаз, не становящихся глубже, квадратное суровое лицо и копна густых седых волос.

Горькие мысли одолевали его. На протяжении веков это лицо называли множеством имен, оно заносило до дыр множество обличий. Но спустя два тысячелетия он вернулся к тому имени, которое дала ему мать.

Иуда Искарот.

Хотя имя это стало синонимом предателя, он прошел полный круг от отрицания до признания этой истины – особенно после того, как открыл тропу к собственному искуплению. Столетия назад он наконец постиг, *зачем* Христос проклял его бессмертием.

Чтобы в грядущем он смог сделать то, что должен.

Взвалив на свои плечи эту ответственность, Иуда прижался лбом к холодному стеклу. В прошлом у него один руководитель отдела так боялся упасть, что не подходил к окнам ближе чем на шесть футов.

Иуда такого страха перед падением не питал. Он падал навстречу тому, что должно было принести ему смерть, уже бесчисленное количество раз.

Он смотрел сквозь стекло на переливающиеся огнями улицы, на раскинувшийся внизу город, славившийся своей развращенностью еще до рождения Христа. Рим всегда сиял по ночам огнями, хотя теплый желтый огонь факелов и свечей давно сменился ослепительным накалом электричества.

Если его план срывается, все эти огни раз и навсегда погаснут.

Современные люди думают, будто блеск и огонь принадлежат им, но человек озарял мир по своей воле уже давно. Порой ради прогресса, а порой по пустякам.

Стоя там, он вспомнил блистательные балы, которые посещал столетиями, и все праздные гуляки на них пребывали в уверенности, что достигли пика гламура. Благодаря своим внешности и богатству он никогда не знал недостатка в приглашениях, равно как и в женской компании, но эти спутницы зачастую требовали большего, чем он мог дать.

Иуда видел слишком много возлюбленных, увядавших и умиравших, угашая надежду на вечную любовь.

В конце концов она никогда не оправдывала своей цены.
За единственным исключением.

Он посетил бал в средневековой Венеции, где женщина похитила его вечное сердце, показав любовь, оправдывающую любую цену. Он взирал на разноцветные огни города, пока они не затуманились, погрузив его в воспоминания.

Иуда помедлил на пороге венецианского бального зала, позволив круговращению красок разворачиваться перед ним. Машиново-красные, насыщенные золотые, индиго под стать вечернему морю, черные, поглощающие свет, и жемчужное сияние обнаженных плеч. Нигде женщины не наряжались настолько ярко и не выставляли кожу настолько напоказ, как в Венеции.

Бальный зал выглядел почти так же, как и сотню лет назад. Единственную перемену являли три новые картины маслом, украсившие его величественные стены. Полотна изображали суровых или веселых членов этого венецианского рода, каждый из которых был разодет в модные наряды своих дней. Все они давно умерли. Одесную от него находилась портрет Джузеппе, почившего три десятка лет назад, черты лица которого навеки застыли в сорокалетнем возрасте благодаря масляным краскам и таланту давно усопшего живописца. Взгляд карих глаз Джузеппе, всегда искрившихся весельем, противоречил сурово сдвинутым бровям и чопорной осанке. Иуда прекрасно знал его – вернее, настолько хорошо, насколько можно узнать человека за десять лет.

Дольше пребывать в одном городе Иуда себе не позволял. После этого люди могли начать недоумевать, отчего он не стареет. Человека, не покрывающегося морищинами и не умирающего, могли назвать колдуном или еще похуже. Так что он путешествовал на север и на юг, на восток и на запад, кругами, расширявшимися по мере распространения цивилизации. В одних городах он разыгрывал из себя анахорета, в других – художника, в третьих – жуира. Примерял роли, будто плащи. И сносил по одному каждого рода.

Его щегольские черные кожаные сапоги уверенно ступали по деревянному паркету. Он знал каждую скрипучую половицу, каждую едва заметную щербинку. Явился лакей в маске с подносом, уставленным бокалами вина. Иуда взял один, памятуя достоинства винных подвалов прежнего хозяина. Пригубил, смакуя букет кончиком языка, – к счастью, по смерти Джузеппе его подвалы не пришли в упадок. Осушив бокал, Иуда взял другой.

Пальцы другой руки, спрятанной за спиной, крепко сжимали узкий черный предмет.

Он явился сюда с целью более возвышенной, нежели поселиться на балу.

Он пришел погоревать.

Маневрируя среди танцоров в масках, Иуда пробирался к окну. Длинный нос его маски загибался книзу вороньим клювом. Ноздри наполнял аромат хорошо выделанной кожи, из которой ее изготовили. Мимо в кружении с партнером про-

скользнула женищина, оставив по себе в воздухе крепкий аромат духов.

Иуда знал и этих танцоров, и без счету других. Позже, выпив побольше вина, он присоединится к ним. Выберет себе какую-нибудь юную куртизанку, может быть, очередную мавританку, буде удастся сыскать таковую. И станет изо всех сил стараться забыться в знакомой рутине.

Полвека назад, во время последнего пребывания в Венеции, он повстречал самую очаровательную женищину за свою долгую жизнь. Она тоже была мавританкой – темнокожей, с лучезарными темно-карими глазами и черными волосами, ниспадавшими на голые плечи и доходившими до самого пояса. На ней было изумрудно-зеленое платье с золотой оторочкой, по моде стянутое на тонкой талии; но, свисая с шеи на узенькой золотой цепочке, в ложбинке ее груди покоилась полоска яркого серебра, будто осколок разбитого зеркала – украшение диковинное. Вокруг нее витал аромат лепестков лотоса – благоухание, которым он не наслаждался с самых пор последней своей побывки на Востоке.

Они с таинственной женищиной танцевали часами, и никому из двоих другой партнер не требовался. Говорила она с диковинным акцентом, определить принадлежность которого Иуда не мог. Вскоре он позабыл об этом и слушал лишь ее слова. Она знала куда больше, чем кто-либо из встречавшихся ему доселе, – историю, философию и тайны человеческого сердца. От ее хрупкой фигурки веяло безмятежно-

стью и мудростью, и ему хотелось позаимствовать у нее умиротворение. Ради нее, пожалуй, он мог бы отыскать способ вновь проникнуться простыми заботами смертного.

После танцев, у этого самого окна, она приподняла маску, чтобы он смог узреть ее лицо целиком, а Иуда снял свою. Он взирал на нее в эту минуту безмолвия, более интимную, чем он делил с кем-либо прежде. А затем она вручила ему свою маску, извинилась и скрылась в толпе.

И лишь тогда он осознал, что не ведает ее имени.

Она так и не вернулась. Более года искал Иуда ее по всей Венеции, платил безумные деньги за недостоверные сведения. Она была внучкой дожа. Она была рабыней с Востока. Она была еврейской девушкой, убежавшей из гетто на одну ночь. Она не была ни одной из перечисленных.

С разбитым сердцем он бежал из города масок и старался позабыть ее в объятьях сотен других женщин, некоторых таких же темнокожих, как мавры, других — белее снега. Он выслушивал от них тысячи историй, помогал одним и бросал других. Ни одна из них не тронула его сердца, и он покинул их всех прежде, чем ему пришлось лицезреть их старение и смерть.

Но теперь Иуда вернулся в Венецию, дабы изгнать ее из мыслей, через полвека после того, как танцевал с ней на этом паркете. К этому времени, знал он, она, скорее всего, мертва или обратилась в сморщенную и слепую старуху, давно позабывшую ту волшебную ночь. Все, что он оставил

себе по ней, – это воспоминания и ее старую кожаную маску.

Теперь он вертел эту маску в руках. Черная и глянцеви-
тая, она представляла собой широкую кожаную ленту с
прорезями для глаз, с крохотным стразиком, поблескиваю-
щим возле уголка каждого глаза. Дерзкий фасон, своей про-
стотой идущий вразрез с богато изукрашенными масками
женщин тех времен.

Но ей никакие дополнительные украшения и не требова-
лись.

Иуда вернулся в эти ярко освещенные залы, чтобы сего-
дня бросить эту черную маску в воды канала и изгнать при-
зрак женщины в архив былого. Сжимая в ладони старую ко-
жу, он поглядел в открытое окно. Внизу гондольер налегал
на шест, ведя свое утлое суденышко по темным водам, иг-
рающим серебряными проблесками в свете луны.

По берегам канала темные фигуры спешили по каменным
плитам или через мосты. Люди, торопящиеся по секрет-
ным надобностям. Шагающие по повседневным делам. Он
не знал зачем, да и не интересовался. Ему было все равно.
Как и все прочее, это давно прискучило ему. На миг он вдруг
уверовал, что мог бы ощутить связь с ними, – пока она не
покинула его.

И сейчас, по-прежнему не питая охоты расставаться с
ней, Иуда погладил маску указательным пальцем. Она года-
ми лежала на дне сундука, обернутая в тончайший шелк.

Поначалу он еще чуял аромат лепестков лотоса, но мало-помалу тот улетучился. Теперь он поднес маску к носу и понюхал – в самый последний раз, – ожидая ощутить запахи старой кожи и кедровых досок сундука.

Но вместо того ощутил аромат лепестков лотоса.

Иуда повернул голову, опасаясь поглядеть, движением столь медлительным, что оно не спугнуло бы даже робкую птаху. Биение собственного сердца вдруг загрохотало в ушах настолько громко, что он не удивился бы, если бы взоры всех присутствующих обратились в его сторону.

Она стояла перед ним, без маски, ни капельки не переменившаяся, и ее безмятежная улыбка была в точности такой же, как полстолетия назад. Маска выскользнула из его пальцев на пол. Дыхание занялось у него в груди. Танцоры кружили со всех сторон, но он застыл недвижно.

Не может этого быть.

Быть может, это дочь той самой женичины?

Он отмел эту возможность.

Такого точного подобия не бывает.

И тут же закралась сумрачная мысль. Иуда ведал о богомерзких тварях, шагающих сквозь время бок о бок с ним, таких же неумирающих, как он сам, но одержимых жаждой крови и безумием.

И снова он исторг такую перспективу из своего рассудка.

Ему никогда не забыть жар ее тела, пробивавшийся сквозь бархат платья, когда он танцевал с ней.

Так кто же она такая? Окаянная, подобно ему? Бессмертна ли она?

Тысяча вопросов заплесала у него в голове, в конце концов сменившись одним-единственным, воистину важным вопросом, задать который пятьдесят лет назад он не сумел.

– Как тебя зовут? – шепнул он, боясь, что этот миг рассыплется осколками, подобными тому, который она носит на своей стройной шее.

– Нынче вечером – Анной, – голос прозвучал с тем же самым диковинным акцентом.

– Но это не твое настоящее имя. Откроешь ли ты его мне?

– Если ты откроешь свое.

Ее сверкающие карие глаза надолго загляделись в его собственные – не заигрывая, а постигая его полную меру. Иуда медленно кивнул в знак согласия, молясь, чтобы она нашла его достойным.

– Арелла, – произнесла она вполголоса.

Он повторил ее имя, в тон ее голосу, слог за слогом:

– Арелла.

Она улыбнулась. Наверное, не слыхала собственного имени, произнесенного чужими устами, уже множество поколений. Ее глаза искали встречи с его взглядом, требуя, чтобы он заплатил обещанную цену за постижение ее истинного имени.

И впервые за тысячу лет он тоже произнес свое имя

вслух:

– Иуда.

– Преданный анафеме сын Симона Искарота, – доска-зала она, глядя на него без удивления, лишь с едва угадывающейся улыбкой. И протянула ему руку. – Не желаешь ли потанцевать?

Вот так, с разоблачения секретов, и начались их отношения.

Но эти секреты таили другие, более глубокие и сумрачные.

Секреты без конца, как и пристало вечной жизни.

Исполинские двери у него за спиной распахнулись, отразившись в окне и возвращая его из средневековой Венеции в современный Рим. Иуда постучал пальцами по холодному пуленепробиваемому стеклу, на миг задумавшись, что бы подумали об этом материале средневековые венецианские стеклодувы.

В отражении он увидел Ренату, стоящую в обрамлении дверного проема. На ней был деловой костюм цвета тутовой ягоды и коричневая шелковая блузка. Хотя она за время службы у него и превратилась из девушки в женщину среднего возраста, Иуда по-прежнему находил ее привлекательной. И вдруг понял, что как раз потому, что Рената напоминает Ареллу. У его секретарши такая же смуглая кожа и черные глаза, и она так же невозмутима.

Как же я не замечал этого прежде?

Вслед за ней в комнату ступил белокурый монах, с виду намного моложе своих лет. Сангвинист нервно взялся за оправу своих миниатюрных очечков. На его круглом лице отпечатались морщины тревоги, которым не место на столь юном лице, выдавая десятилетия, оставшиеся у него за плечами.

Рената удалилась, бесшумно прикрыв за собой дверь.

Иуда жестом пригласил его пройти.

– Входите же, брат Леопольд.

Монах облизнул губы, разгладил складки своей простой коричневой сутаны с капюшоном и повиновался. Прошел мимо фонтана и остановился перед массивным письменным столом. Он прекрасно знал, что садиться без приглашения не следует.

– Как вы и приказывали, я приехал из Германии первым же поездом, *Damnatus*.

Леопольд склонил голову, употребив античный титул, знаменующий прошлое Иуды. С латыни его можно приблизительно перевести как *приговоренный*, *окаянный* или *проклятый*. Хотя остальные могли бы воспринять подобный титул как оскорбление, Иуда носил его с гордостью.

Ибо тот был дарован ему Христом.

Иуда подвинул стул за столом, возвращаясь на свое место, и сел. Заставляя монаха ждать, целиком сосредоточил внимание на прежнем занятии. Ловко, мастерски отцепил переднее крылышко, сломленное прежде, и бросил его на пол.

Открыл ящик с образцами и извлек другую сатурнию. Отделив переднее крылышко, заменил им поврежденное, вернув своему творению безукоризненное совершенство.

Теперь надо исправить другой сломанный предмет.

– У меня есть миссия для вас, брат Леопольд.

Монах молча вытянулся, застыв перед ним настолько неподвижно, насколько это подвластно только сангвинисту.

– Да?

– Как я понимаю, ваш Орден уверен, что отец Корца – предвозвещенный *Рыцарь Христов*, а этот американский солдат Джордан Стоун – *Воитель Человеческий*. Но остались сомнения касательно личности *третьей* фигуры, упомянутой в пророчестве Кровавого Евангелия. *Женщины Знания*. Следует ли мне понимать, что это *не* профессор Эрин Грейнджер, как вы изначально заключили во время поисков утраченного Евангелия Христова?

Леопольд низко склонил голову в извинении.

– Я слышал о подобных сомнениях и полагаю, что они могут быть оправданны.

– Если так, то мы должны отыскать *истинную* Женщину Знания.

– Будет сделано.

Достав из другого ящика серебряную бритву, Иуда порезал кончик своего пальца. Поднес его к мотыльку, созданному его руками из металла и эфемерных крылышек. Одна-единственная сверкающая капля крови упала на спинку

творения, впитавшись сквозь отверстия и исчезнув.

Монах отступил назад.

– Вы боитесь моей крови.

Как и все стригои.

Столетия назад Иуда постиг, что единственная капля его крови смертоносна для всех этих анафемских тварей, даже для обратившихся к служению Церкви, подобно сангвинистам.

– Кровь – великая сила, не так ли, брат Леопольд?

– Именно так, – взгляд монаха бегал из стороны в сторону. Должно быть, ему не по себе находиться так близко от того, что может положить конец его бессмертному существованию.

Иуда завидовал ему в этом страхе. Проклятый Христом на бессмертие, он бы многим пожертвовал, только бы получить шанс умереть.

– Тогда *почему* вы не сказали мне, что теперь эта тройка повязана кровью?

Иуда бережно подвел пальцы под свое создание. Оно встрепенулось на его ладони, пробужденное к жизни его кровью. Крошечные шестеренки зажужжали едва слышно поверх журчания фонтана. Крылышки поднялись, сойдясь над спинкой, а затем снова расправились.

Монах задрожал.

– Такое красивое творение ночи, простой мотылек, – изрек Иуда.

Взмахнув крылышками, автомат вспорхнул с ладони в воздух. Медленно облетел стол, ловя крылышками каждый проблеск света и отражая его обратно.

Леопольд следовал за ним, явно испытывая желание бежать, но понимая, что делать этого не стоит.

Иуда поднял ладонь, и мотылек снова легко опустился на кончики подставленных пальцев Иуды. Металлические ножки касались кожи легко, будто паутина.

– Такой деликатный и все же невероятно могущественный.

Глаза монаха были прикованы к ярким крылышкам, голос дрожал.

– Извините. Я не думал, что нужно придавать значение тому, что Рун причастился от археолога. Я... я думал, она не настоящая Женщина Знания.

– И все же ее кровь струится в жилах Руна Корцы, а в ее – благодаря вашему опрометчивому переливанию – теперь течет кровь сержанта Стоуна. Вы не находите такое совпадение странным? Быть может, даже значительным?

Повинуясь воле Иуды, мотылек снова взмыл с его пальца и облетел кабинет, порхая в потоках воздуха точь-в-точь, как некогда сам Иуда порхал по бальным залам всего мира.

Монах сглотнул, сдерживая ужас.

– Быть может, – промолвил Иуда. – Быть может, эта археолог, в конце концов, *и есть* Женщина Знания.

– Я сожалею...

Мотылек спланировал вниз, чтобы сесть на левом плече монаха, вцепившись крохотными лапками в грубую ткань его власяницы.

– Нынче вечером я пытался ее убить, – Иуда от нечего делать перебирал крошечные зубчатые колесики у себя на столе. – С помощью анафемской кошки. Можете себе представить, чтобы простая женщина ускользнула от подобной бесτίας?

– Не представляю, как такое возможно.

– Я тоже.

Стоит монаху дать малейший повод – и мотылек вонзит в него острый хоботок, выпустив единственную каплю крови, которая убьет его на месте.

– И все же она выжила, – произнес Иуда. – А теперь еще и воссоединилась с Воителем, но с Рыцарем – пока нет. Вам известно, почему они не воссоединились с отцом Руном Корцей?

– Нет, – монах опустил глаза к четкам. Если он умрет сейчас, во грехе, а не в священном бою, душа его будет проклята во веки веков. Должно быть, Леопольд только об этом и думает.

Иуда дал ему еще минутку на размышления, после чего пояснил:

– Потому что Рун Корца пропал.

– Пропал? – впервые выразил удивление монах.

– Через пару дней после того, как Корца вкусил от нее, он

исчез из поля зрения Церкви. И всех остальных. — Крылышки бабочки трепетали в потоках воздуха. — А теперь улицы Рима усеяны трупами, потому что чудовище осмеливается охотиться у пределов самого Священного града. Это не стригой, находящийся под моим или их контролем. Они боятся, что это их драгоценный Рун Корца, вернувшийся в дикое состояние.

Брат Леопольд встретился с ним взглядом.

— Чего же вы хотите от меня? Чтобы я убил его?

— Будто это вам по силам... Нет, мой дорогой брат, эта задача достанется другому. Ваша задача — следить и докладывать. И никогда больше не умалчивать ни о каких мелочах. — Иуда поднял ладонь, и мотылек спорхнул с плеча монаха, возвращаясь на протянутую ладонь своего творца. — Если вы подведете меня, вы подведете Христа.

Брат Леопольд взирал на него со смесью облегчения и ликования.

— Больше я не оступлюсь.

Глава 8

18 декабря, 19 часов 45 минут по тихоокеанскому стандартному времени

Сан-Франциско, Калифорния

Ну, хотя бы ресторан пуст.

Эрин испустила вздох облегчения, усаживаясь рядом с Христианом и Джорданом в тесной, покрытой боевыми шрамами кабинке заведения в районе Хайт-Эшбери. Они подвезли Нейта до его квартиры в Стэнфордском университетском городке, после чего улизнули в анонимность Сан-Франциско, кружным путем добравшись в эту маленькую закусочную.

Эрин взяла меню – не то чтобы была голодна, просто хотела хоть чем-нибудь занять руки. Вес своего «глока» она снова ощущала в кобуре на лодыжке. «кольт» Джордана лежал в глубоком кармане ее зимней куртки. Совместная тяжесть пистолетов помогала ей чувствовать землю под ногами.

Эрин принялась разглядывать эту ветхую забегаловку с черно-белыми рисунками черепов и цветов. Единственной уступкой Рождеству были побитые пластиковые пуансеттии⁸, украшавшие все столики.

Джордан взял ее правую руку своей левой. Даже в этом

⁸ *Пуансеттия*, или молочай красивейший, – традиционное рождественское украшение в Северной Америке.

жестком, немигающем свете он выглядел замечательно. На одной щеке у него виднелась полоска грязи, и Эрин, протянув руку с салфеткой, стерла ее, на миг задержав пальцы на его щеке.

Глаза его потемнели, и он многообещающе ей улыбнулся.

В углу кабинки Христиан деликатно кашлянул.

Джордан выпрямился, но руку Эрин не отпустил.

– Славное вы выбрали местечко, – сказал он, выворачивая голову, чтобы поглядеть на кислотные радуги, украшающие заднюю стену. – Значит, в прошлой жизни вы были мертвой головой⁹ или застряли в шестидесятых?

Спрятав улыбку за меню, Эрин увидела, что блюда здесь сплошь веганские¹⁰.

Джордан будет в восторге.

– Сейчас тут куда приличнее, чем было в шестидесятых, – отозвался Христиан, позволяя им краешком глаза заглянуть в его собственное прошлое, касающееся прежней жизни в этом городе. – Тогда тут было не продохнуть от дыма шмали и пачулей. Но одна вещь в этом заведении осталась неизменной – презрение к властям. Голову даю на отсечение, что в этом здании ни одной камеры наблюдения или приборов электронного слежения. Чем меньше любопытных глаз, тем лучше.

⁹ *Мертвая голова* (Deadhead) – так в Америке прозвали фанатов рок-группы *Grateful Dead*, то есть «Благодарные мертвецы».

¹⁰ *Веганство* – радикальное вегетарианство.

Эрин одобрила уровень паранойи сангвиниста, особенно после нападения.

– Вас и вправду тревожит, что в ваш Орден затесался крот? – поинтересовался Джордан.

– Кто-то знал, что Эрин будет на этом ранчо одна. Покамест нам лучше покинуть экраны радаров. По меньшей мере, пока не доберемся до Рима.

– Меня это вполне устроит, – поддержала Эрин. – А что вы имели в виду, говоря, что только я могу найти Руна?

Во время поездки до ресторана Христиан говорить отказывался. И даже сейчас сперва оглядел помещение, а потом подался вперед.

– От сержанта Стоуна я узнал, что Рун отведал вашей крови во время сражения под храмом Святого Петра. Это правда?

Эрин выпустила руку Джордана, разглядывая салфетку у себя на коленях, чтобы он не увидел выражения лица, когда она думала об этих интимных мгновениях, которые она разделила тогда с Руном. Ее «зацепило», когда эти острые зубы погрузились в ее плоть; она балансировала между болью и экстазом от обжигающего прикосновения его губ, его языка, раздвигающего края раны, чтобы хлебнуть полной мерой.

– Да, – чуть слышно проронила она. – Но он был вынужден. Другого способа настичь *беспощадного волка* и Баторию Дарабонт не было. Без наших действий Кровавое Евангелие могло быть утрачено.

Джордан обнял ее одной рукой, но Эрин ее сбросила, передернув плечами. В его взгляде мелькнуло изумление. Она не хотела его уязвить, но сейчас терпеть хоть чье-нибудь прикосновение было выше ее сил.

– Я здесь не затем, чтобы судить Руна, – произнес Христиан. – Ситуация была экстраординарная. Уж мне-то можете не объяснять. Меня больше интересует, что было с вами *после* этого.

– Что вы имеете в виду?

– У вас были видения? Ощущения, которые вы не можете объяснить?

Эрин закрыла глаза, чувствуя нахлынувшее облегчение. Значит, вот чем объясняются ее приступы!

Я все-таки не схожу с ума.

Должно быть, Христиан заметил ее реакцию.

– У вас были видения. Хвала Господу!

– Кто-нибудь потрудится мне объяснить? – встрял Джордан.

Теперь, задним числом, Эрин поняла, что должна была сказать ему о приступах. Но ей не хотелось даже думать о них, не то что делиться с кем-либо.

Христиан все растолковал обоим:

– Когда стригой вкушает от кого-то и жертва остается в живых – что случается крайне редко, – между ними образуются кровные узы. И они сохраняются, пока стригой не вкусит снова, стирая эти узы новой кровью.

От этих слов Джордана замутило.

Тут подошел молодой официант с блокнотом в руках и карандашом за ухом. Его белокурые волосы были скатаны в дреды. Заказав всем черный кофе, его отослали.

Выждав, когда парнишка удалится за пределы слышимости, Эрин вернулась к разговору.

– Но то, что я переживала, – полнейшая бессмыслица. Темнота. Совершенно непроглядная. У меня жуткое клаустрофобическое ощущение, что я в западне. Будто меня заперли в саркофаге или в гробу.

– Как тогда в Масаде? – уточнил Джордан.

Эрин снова взяла его за руку, наслаждаясь теплом его ладони, отчасти в качестве извинения за то, что оттолкнула его минуту назад.

– Именно так я и думаю. Я думала, это приступы паники. И отмахивалась от этих эпизодов, считая их вспышкой воспоминаний о том, как мы оказались взаперти в той античной усыпальнице. Но некоторые детали этих видений казались мне странными. В ящике было холодно, но ощущение такое, будто я лежу в кислоте. Она пропитала мою одежду и обжигает мне кожу. Но что еще страннее, все пахнет вином.

– Вином? – переспросил Христиан, резко выпрямляясь. Она кивнула.

– Если вы воспринимаете Руна через эти видения, обжигать будет ванна из освященного вина, – Христиан уставил на нее пристальный взгляд своих зорких зеленых глаз. – Вы

не представляете, где этот ящик может находиться? Вы что-нибудь слышали?

Она медленно покачала головой, пытаясь вспомнить какие-нибудь еще подробности, но безуспешно.

– Простите.

Она помнила лишь эту боль, чувствуя, что ощутила лишь самую малость того, что выносит Рун. Давно ли он в этой ловушке? Христиан сказал, что Рун пропал вскоре после сражения. Это было два месяца назад. Нельзя бросать его в таком положении.

И тут она похолодела от другого воспоминания.

– Христиан, с каждым из этих видений я становилась все слабее, руки прямо как из свинца. В последний раз я едва сумела их поднять.

Выражение лица священника подтверждало ее наихудшие опасения.

Вероятно, это означает, что Рун умирает.

Христиан протянул руку, коснувшись ее ладони, чтобы утешить.

– Лучше всего побыстрее добраться в Рим. Кардинал Бернارد более осведомлен по части такого рода уз, чем я. В ранние дни Церкви они встречались часто.

Они зафрахтовали чартерный самолет, до отлета которого оставалось два часа.

– А если мы найдем Руна, – спросила Эрин, – что будем делать тогда?

Она опасалась, что ее просто отодвинут в сторонку, отделиваются как-нибудь походя, как в прошлый раз.

– Тогда мы все отправимся на поиски Первого Ангела, – ответил Христиан.

Первого Ангела.

Эрин чересчур хорошо знала пророчество, касающееся этой мифической фигуры. Она мысленно увидела слова, начертанные на первой странице Кровавого Евангелия, написанного Христом, прорицание грядущей войны – и способ предотвратить ее.

Грядет вятшая Брань Небесная. Дабы возобладало воинство благое, надлежит выковать оружие из сего Евангелия, писанного моею собственной кровью. Триединству из сего предвозвестия надлежит допровадити сию книгу Первоангелу для благословения оным. Лише в сем надежда на спасение света.

– Время ожидания кончилось, – напирал Христиан. – Особенно после того, как кто-то предпринял шаги против вас, Эрин. Они явно знают, как вы ценны для нас.

– Ценна? – Проронив это единственное слово, она не сумела скрыть горестные нотки издевки.

– Пророчество утверждает, что трое должны доставить книгу Первому Ангелу. Рыцарь Христов, Воитель Человечества и Женщина Знания. Вы и Джордан – последние двое. Рун – первый.

– Но я думала, уже стало ясно, что я *не* являюсь Женщи-

ной Знания, – все тем же ровным тоном заставила она себя выговорить следующую фразу. – Я практически уверена, что убила ее.

Джордан пожал ей руку. Эрин застрелила Баторию Дарабонт в туннеле под Римом. Она не просто отняла жизнь у этой женщины, потому что издавна считалось, что именно род Батори породит Женщину Знания. Пуля из пистолета Эрин оборвала этот род, убив последнего из его потомков.

– Дарабонт в самом деле мертва, а с ней и это проклятое семя, – со вздохом откинувшись на спинку диванчика, Христиан развел руками. – Так что, похоже, вы лучшая из имеющихся кандидатур, доктор Эрин Грейнджер. К чему гадать?

Кофе наконец принесли, и это позволило им собраться с мыслями.

Как только официант ушел, Джордан сделал обжигающий глоток, поморщился и кивнул на Христиана.

– Я с ним согласен. Давай найдем этого ангельского чувака.

Будто это так просто.

Никто не имел ни малейшего понятия, кто такой Первый Ангел.

Глава 9

19 декабря, 06 часов 32 минуты

Северный Ледовитый океан

От холода у Томми Болара аж зубы ныли. Он и не знал, что такое может быть. Стоя у планшера ледокола во мраке арктического утра, он чувствовал, как ветер обжигает открытые щеки. Впереди белые льды простирались до самого горизонта. Позади тянулась полоса голубоватого битого льда и черной воды, отмечающая путь корабля по ледяным полям.

Томми уставился во тьму в безысходном отчаянии. Он даже не представлял, где находится.

А если уж на то пошло, то и *кто* он такой.

Он знал лишь, что он уже не тот четырнадцатилетний подросток, бессильно смотревший, как умирают родители в его объятьях на руинах Масады, пав жертвами ядовитого газа, погубившего их и вылечившего его. Он бросил взгляд на полоску голой кожи, проглядывающей между оленьими рукавицами и рукавами его высокотехнологичной пуховой парки. Раньше на этом бледном запястье виднелось бурое пятно меланомы, говорившее, что дни его сочтены, – а теперь она исчезла без следа вкупе с остальными симптомами рака. Даже волосы, выпавшие из-за химиотерапии, начали понемногу отрастать.

Он выздоровел.

Или проклят. Смотри как поглядеть.

Томми хотел бы умереть на вершине той горы вместе с родителями. Но вместо того его похитили из израильского военного госпиталя, украли у безличных врачей, пытавшихся понять, каким чудом он выжил. Его последние тюремщики утверждают, что он не просто *выжил* во время трагедии в Масаде, настаивая, что он более чем *излечен* от своего рака.

Они сказали, что он не умрет никогда.

И, что хуже всего, он начал им верить.

По щеке скатилась слеза, оставляя горячий след на его замерзшей коже.

Томми утер ее тыльной стороной рукавицы, испытывая гнев, досаду, желая кричать на этот бескрайний простор – вызывая не о *помощи*, а об *освобождении*, о возможности увидеть мать и отца снова.

Два месяца назад кто-то опоил его снотворным, и очнувшись он уже здесь, на этом огромном ледоколе посреди замерзшего океана. Корабль недавно покрасили, по большей части в черный цвет, и каюты громоздились поверх него, как красные кирпичики «Лего». Пока что он насчитал человек сто команды, запоминая лица и знакомясь с заведенным на борту порядком.

Пока что побег невозможен, но знание – сила.

И это одна из причин, по которой Томми проводил так много времени в судовой библиотеке, просматривая немногочисленные книги на английском и пытаясь узнать как мож-

но больше.

К любым другим его вопросам окружающие оставались глухи. Команда говорила по-русски, и с ним никто из членов экипажа общаться не желал. Разговаривали с ним лишь два человека на борту ледокола – и оба внушали ему ужас, хоть он и старался изо всех сил скрыть это.

Будто откликнувшись на его мысли, Алеша присоединился к нему у планшера. Он принес две рапиры и одну из них отдал Томми. Русский паренек с виду ровесник Томми, но его лицо – воплощение лжи. Алеша старше, на десятки лет старше его. Будто в доказательство своей нечеловеческой природы, оделся Алеша лишь в серые фланелевые брюки и безупречно отглаженную белую рубашку с расстегнутым воротом, подставив бледное горло крепкому ветру, продувающему каждый уголок на ледяной палубе. Настоящий человек в таком наряде замерз бы до смерти.

Томми принял рапиру, зная, что если коснется голой руки Алеши, то обнаружит, что она так же холодна, как лед, намерзший на перилах.

Алеша – нежить под названием «стригой». Бессмертный, как и Томми, но крайне непохожий на него.

Вскоре после похищения Томми Алеша прижал его ладонь к своей холодной груди, продемонстрировав отсутствие сердцебиения. Показал Томми свои зубы, продемонстрировал, как его волчьи клыки могут выдвигаться и убираться в десны по его собственной воле. Но самое разительное отли-

чие между ними заключается в том, что питается Алеша человеческой кровью.

Томми ни капельки на него не похож.

Он по-прежнему ест обычную пищу, его сердце бьется все так же, и зубы у него такие же, как раньше.

Так кто же я такой?

Кажется, этого не ведает даже его поработитель – господин Алеши. Или, по крайней мере, делиться своим знанием не желает.

Алеша стукнул его по голове рукояткой рапиры, чтобы привлечь внимание.

– Слушай, что я тебе говорю! Мы должны упражняться.

Томми последовал за ним на импровизированную площадку для фехтования на палубе корабля и встал в позицию.

– Нет! – насмешливо бросил его противник. – Ноги шире! И направь рапиру *вверх*, чтобы прикрыться.

Видимо, скучая на огромном корабле, Алеша затеял учить его манерам русской знати. Кроме уроков фехтования, этот мальчик преподавал Томми массу терминов, касающихся лошадей, упряжи и кавалерийских маневров.

Томми понимал источник его одержимости. Ему называли настоящее имя Алеши – Алексей Николаевич Романов. В библиотеке он нашел учебник российской истории и узнал побольше об этом «отроке». Сто лет назад Алеша был сыном царя Николая II – великим князем, наследником престола Российской империи. В детстве он страдал от гемофилии,

и, согласно книге, только один человек мог избавить его от мучительных приступов внутренних кровотечений – тот же человек, который со временем стал его господином, обратив царевича в чудовище.

Томми представил господина Алеши, его густую бороду и темные глаза, скрывающегося где-то на корабле, будто черный паук в паутине. В начале XX века он был известен как «безумный русский монах», но настоящее его имя – Григорий Ефимович Распутин. В учебнике рассказывалось, как монах свел дружбу с Романовыми, став для царя незаменимым советчиком. Но другая глава намекала на развратность Распутина и политические интриги, со временем приведшие к покушению группы аристократов на его убийство.

Монаха отравили, прострелили ему голову, избили дубинкой и бросили в ледяную реку – а он вынырнул, отплеываясь и по-прежнему живой. Книги утверждали, Распутин в конце концов утонул в этой реке, но Томми знал истинную правду.

Убить монстра не так-то просто.

Как и царственный отрок, Распутин – стригой.

Молниеносный, как бросок кобры, Алеша метнулся по фехтовальной площадке, уклонился вправо, затем ушел влево – настолько быстро, что глаз почти не успевал уследить. Кончик его рапиры уткнулся в центр груди Томми, проткнув парку и уколов кожу. Это не учебное оружие с тупым кончиком. Томми понимал, что Алеша мог бы пронзить ему серд-

це, если бы хотел.

Хотя Томми это не убило бы. Было бы больно; скорее всего, он не смог бы подняться с постели от слабости день-другой, но излечился бы, потому что проклят на вершине Масады бессмертной жизнью.

Улыбнувшись, Алеша отступил, триумфально взмахнув рапирой в воздухе. Ростом он примерно с Томми, с тонкими руками и ногами, зато куда сильнее и быстрее его.

Проклятие Томми не дало таких преимуществ в силе и скорости.

И все же он из кожи вон лез, чтобы отбить следующие несколько атак. Они выплясывали по фехтовальной площадке взад-вперед. Томми быстро уставал, холод выпивал его силы.

Когда они сделали перерыв, чтобы отдышаться, громкий треск за правым бортом привлек внимание Томми. Палуба под ногами накренилась. Нос корабля чуть приподнялся и обрушился на толстый панцирь льда. Гигантские ходовые машины гнали корабль вперед, продолжая его неспешное продвижение по Ледовитому океану.

Томми посмотрел, как огромные льдины откалываются и со скрежетом проходят вдоль бортов, и гадал, что будет, если прыгнуть.

Умру ли я?

Страх не дал ему проверить это. Хоть умереть он, быть может, и не в состоянии, но страдать способен вполне. Он

выждет более удобного шанса.

Алеша метнулся вперед, чтобы резко хлестнуть его клинком по щеке. Боль тут же напомнила Томми, что жизнь – это страдание.

– Довольно! – заявил Алеша. – Не теряй бдительности, мой друг!

Друг...

Томми хотелось презрительно высмеять этот ярлык, но он не раскрыл рта, понимая, что в каком-то смысле юный царевич одинок и наслаждается компанией – пусть и вынужденной – другого подростка.

Но обмануть Томми он не мог.

Алеша – не подросток.

Так что Томми снова встал в оборонительную стойку на краю площадки. Пока что это единственный доступный ему выбор. Он выждет своего часа, научится всему, чему сможет, и будет держаться в форме.

Пока не сумеет сбежать.

Глава 10

19 декабря, 07 часов 13 минут по центральноевропейскому времени

Рим, Италия

Охотник стал дичью.

Элисабета чуяла свору, каковая преследовала ее по темным узким улицам и переулкам, по пути все разрастаясь. Пока что гонители держались позади – возможно, желая обрести силу в многочисленности. Это не бездомные людишки, не разбойники или воры, подстерегающие на предрассветных улицах легкую добычу вроде одинокой женщины. Они стригои, как и она.

Она что, вторглась в их охотничьи угодья? Нарушила какую-то норму их застольного этикета? Этот век заготовил для нее множество силков.

Элисабета бросила взгляд на восток, чуя, что зимнее солнце вот-вот взойдет. Страх охватил ее. Ей хотелось вернуться к себе на чердак, скрыться от палящего света дня, но она не осмеливалась вести стаю к своему жилищу.

И под угрозой дневного светила продолжала путь по узкой улочке, почти касаясь плечом оштукатуренных стен, чувствуя под ногами неровные камни античной мостовой.

В этом современном городе предрассветные часы стали ее любимым временем. В это время рычание самобеглых ко-

лясок почти затихало, их дух больше не осквернял воздух. Элисабета старательно изучала обитателей сумерек, постигая, как мало во многих отношениях переменялись люди с ее времен, легко подмечая блудниц, игроков и бандитов.

Она понимала ночь – и считала, что владеет ею полно-властно.

До сегодняшнего утра.

Уголками глаз Элисабета заметила призрачные силуэты. Она знала, что их больше дюжины, но *насколько* больше, не представляла. Не слыша ни биения сердец, ни дыхания, она сможет определить это, лишь когда они набросятся.

Значит, уже скоро.

Твари кружили, затягивая свои тенета все туже и туже.

Кажется, они уверены, что она их не заметила. Элисабета позволила им проникнуться этой уверенностью. Обман еще может спасти ее, как уже много раз в прошлом. Она заманивала их все дальше, к полю брани, которое выбрала сама.

До места назначения еще далеко. Опасаясь, что они могут ринуться в нападение прежде, чем она туда доберется, Элисабета прибавила шаг, но лишь самую малость, ибо не хотела дать им понять, что учуяла их присутствие.

Ей нужна открытая площадка. В этих тесных переулочках им слишком легко наброситься на нее, взять числом.

Наконец стопы принесли ее к окрестностям Пантеона на Пьяцца-делла-Ротонда. Эта площадь – ближайший участок открытого пространства. Серый свет проглядывающе-

го солнца чуть разогнал тени на округлом куполе Пантеона. Открытый глаз *oculum*¹¹ на его верхушке ждал нового дня. Во тьме он совершенно слеп.

Но не она. И не они.

Некогда Пантеон был обиталищем множества богов, но теперь католическая Церковь посвятила его лишь *одному*. Элисабета сторонилась этого святилища. Святая земля внутри подорвет ее силы – как, впрочем, и тех, кто за ней охотится, но, возродившись с новым могуществом, она больше не желала с ним расставаться.

Вместо того она старалась держаться открытой площади перед зданием.

С одного боку ряд пустых торговых палаток ждал, когда свет дня преобразит их в оживленный рождественский рынок. Их праздничные золотые огни выключены, пустые столики защищают широкие зонты, обросшие от мороза инеем. Поодаль виднеются темные, забранные ставнями витрины ресторанов, посетители которых давным-давно отошли ко сну.

У нее за спиной тени просачивались на площадь, держась у края.

Зная, что время на исходе, Элисабета заспешила к фонтану в центре площади. Положила ладони на серый камень его чаши. Совсем рядом резная каменная рыба изрыгала во-

¹¹ *Oculum* (лат.) – око, глаз. В данном случае – 9-метровое отверстие в центре купола Пантеона, впускающее внутрь не только свет, но и ветер, и снег, и дождь.

ду в бассейн, в центре которого возносился изящный обелиск. Его красный гранит изваян под безжалостными лучами египетского солнца лишь затем, чтобы завоеватели приволокли его сюда. Иероглифы, высеченные со всех четырех сторон, доходят до конической верхушки – луны, птицы, сидящий человек. Язык его для Элисабеты – просто древняя тарабарщина, такая же бессмысленная, как и современный мир. Но образы, высеченные давно почившими камнерезами, еще могут послужить ей.

Ее взгляд поднялся до самой макушки, где Церковь укрепила крест, дабы наложить руку на могущество этих древних богов.

Позади послышался скрип кожи, шелест ткани о ткань, тихий шорох волос от поворота головы.

Наконец-то свора устремилась вперед.

Но прежде чем хоть один из них добрался до нее, Элисабета, перемахнув край чаши, вспрыгнула на обелиск, по-кошачьи вцепившись в него. Ее крепкие пальцы нашли опору в этой древней резьбе – пальма, луна, перо, сокол. Она начала взбираться вверх, но по мере того, как обелиск становился тоньше, карабкаться было все труднее. Страх загнал ее на самую верхушку.

Усевшись там, Элисабета собрала с духом, готовясь к мучительной боли, и ухватила за крест одной рукой. И бросила короткий взгляд вниз.

Тени копошились, взбираясь по обелиску, как муравьи,

оскверняя собой каждый дюйм гранита. Одеты сплошь в лохмотья, кожа да кости, грязные волосы сбились в колтуны. Один упырь с плеском свалился в фонтан, но на освободившееся место ринулись другие.

Отвернувшись, Элисабета поглядела на ближайший дом через площадь, собирая силы, будто темные пелены вокруг себя.

И прыгнула.

07 часов 18 минут

А глубоко под базиликой Святого Петра Рун ползком двигался по темному тоннелю, едва поднимая голову, отчего порой задевал носом каменный пол.

И все же возносил благодарственные молитвы.

Эрин в безопасности.

Неотложная нужда, вырвавшая его из мучительного узилища, сошла на нет. Теперь одна лишь сила воли заставляла его поднимать одну окровавленную руку за другой, перетаскивая вперед то одно, то другое колено, сбитое до кости. Фут за футом он одолевал коридор, стремясь к свету.

Улучил минутку, чтобы отдохнуть, прислонившись плечом к каменной стене. Притронулся к горлу, вспомнив рану, теперь уже исцелившуюся. Элисабета отняла у него слишком много крови. Она намеренно оставила его беспомощным, но живым.

На муки.

Мучения стали ее новым искусством. Он представил лица множества юных дев, расставшихся с жизнью в ее экспериментах. Эта темная инкарнация его лучезарной Элисабеты научилась ваять боль, как другие – мраморные скульптуры. Все эти ужасающие кончины бременем легли на его совесть.

Сколько еще смертей должен он добавить в этот скорбный список, пока она свирепствовала на улицах Рима?

Лежа в усыпальнице, он улавливал ее восторг, ее упоение от питания, доносившиеся до него едва уловимым шепотом. Она почти опустошила его, носит в жилах его кровь, творящую между ними эфирные узы.

Рун понимал, что она создала эту связь с умыслом.

Элисабета хотела увлекать его на свои охотничьи вылазки, вынуждая быть невольным соучастником ее богомерзостей и смертоубийств. К счастью, кормясь, она смывала старую кровь новой, и узы ослабевали, позволяя докатываться до него лишь самым сильным эмоциям.

Будто эти мысли разбредили контакт, Рун ощутил, как поле его зрения сужается от страха, проникнутого паникой – но не своей собственной, а чужой. Связь стала настолько слабой, что противостоять ее тяготению он уже способен, однако такая борьба рискует еще больше истощить его и без того оскудевшие резервы.

Так что он отдался без сопротивления. И ради сбережения сил, и для другой цели.

Где ты, Элисабета?

Он намеревался воспользоваться этой истрепанной связью, чтобы положить конец бесчинствам, как только удастся выйти на свет. Пока же добровольно отдался этой совместной тьме.

Волна черных бестий вздымалась к нему. Белые клыки сверкали из тьмы – изголодавшиеся, готовые впиться. Он прыгнул прочь, полетев по воздуху.

Небо на востоке посветлело, суля наступление нового дня.

Он должен скрыться, прежде чем это произойдет, заслониться от испепеляющих лучей солнца.

Приземлился на крышу. Терракотовые черепицы разлетелись под его подошвами и ладонями. Осколки заскользили вниз, сорвались с края и разбились о серые камни площади внизу.

Он уверенно побежал по крыше. Позади один из охотников попытался прыгнуть, не дотянул и шмякнулся оземь с тошнотворным шлепком.

Другие тоже пытались.

Многие падали, но некоторым все-таки удалось.

Он уже достиг дальнего конца крыши – и прыгнул на следующую. Прохладный ночной воздух омыл его щеки. Не будь погони, можно было бы насладиться красотами, открывающимися с крыши Рима.

Но забыть о себе преследователи не давали, и он бежал все вперед.

Только на запад.

Его ориентир возносился высоко в блекнущую синеву неба.

Рун вернулся в собственную оболочку, простертую в тоннеле. Встал на четвереньки, понимая, что этого мало. Собрав последние крохи убывающих сил, вскарабкался на ноги. И, опираясь одной рукой о стену, зашаркал вперед.

Надо предупредить остальных.

Элисабета ведет свору стригоев прямо на Ватикан.

07 часов 32 минуты

Вложив в бегство всю себя без остатка, она мчалась по крышам на запад, прочь от забрезжившего на востоке солнца, преследуемая по пятам яростной ордой. Застав их врасплох своим восхождением на обелиск, Элисабета выиграла драгоценные секунды.

Если они настигнут, ей конец.

Она скакала с крыши на крышу, разбивая черепицу, сгибая водосточные желоба. Она не бегала так еще ни разу ни в естественной, ни в сверхъестественной жизни. Казалось, столетия, проведенные в заточении в саркофаге, сделали ее сильнее и быстрее.

Ликование бурлило в ее жилах, удерживая страх под контролем.

Элисабета раскинула руки в стороны, будто крылья, упиваясь лаской ветра от скорости. Если она останется в живых, надо делать такое каждую ночь. Она ощутила, что стар-

ше преследователей, но проворнее — хотя явно недостаточно, чтобы оторваться от них окончательно, однако, наверное, довольно, чтобы добраться до цели.

Бросившись на следующую крышу, она приземлилась слишком жестко. Стая перепуганных голубей взмыла вокруг, перья закружились тучей, ослепив ее. Элисабета на миг отвлеклась, и ботинок застрял в щели между двумя рядами черепиц. Пришлось выдергивать его, порвав кожу.

Брошенный назад взгляд показал, что ее отрыв сошел на нет.

Свора настигла ее, едва не наступая на пятки.

Она побежала дальше, чувствуя, как лодыжку прошивает болью. Нога уже не выдерживала ее вес. Прокляв свою слабость, Элисабета принялась не столько бежать, сколько прыгать, отталкиваясь здоровой ногой и приземляясь на больную, будто в наказание за то, что та ее подвела.

Небо на востоке уже уподобилось цветом крыльям сизарей.

Если ее не прикончат стригои, то уж солнце погубит наверняка.

Элисабета рванулась вперед. Она не спасует, позволив гонителям наложить на нее руки. Подобные твари недостойны окончить ее жизнь.

Сосредоточилась на цели, лежащей впереди.

От стен Ватикана ее отделяет всего пара улиц.

Сангвинисты ни за что не позволят такой своре стригоев

проникнуть в их святой город. Выкосят их, как бурьян. Она мчалась навстречу такой же смерти с единственной надеждой в своем бестрепетном сердце.

Она носительница секрета того, где сокрыт Рун.

Но будет ли этого довольно, чтобы отвести их мечи от ее шеи?

Неизвестно.

Глава 11

19 декабря, 07 часов 34 минуты по центральноевропейскому времени

Ватикан

– *Помогите!* – послышался голос за его дверью.

Услышав в нем страх и безотлагательность, кардинал Бернард встал из-за стола и пересек свои покои в мгновение ока, не трудясь скрыть свою инакость от отца Амбросе. Хотя помощник и знал о тайной натуре кардинала, но все равно испуганно отпрянул.

Не обращая на него внимания, Бернард рывком распахнул дверь, едва не сорвав ее с петель. И узрел юное обличье немецкого монаха, брата Леопольда, недавно прибывшего из Эттальского аббатства. С другой стороны стоял тщедушный новичок по имени Марио. А между собой они держали безвольное тело священника, повесившего голову.

– Я нашел его, когда он выбрался из нижних тоннелей, – сообщил Марио.

От тела распространялся уксусный запах старого вина, заполнивший комнату, как только Леопольд и Марио переступили порог со своей ношей. Из мокрой сутаны виднелись восковые запястья. Пергаментная кожа плотно обтягивала кости.

Этот священник долго голодал и много страдал.

Бернард приподнял подбородок этого человека. И узрел лицо, знакомое ему, как собственное, – высокие славянские скулы, подбородок с глубокой ямкой и высокий гладкий лоб.
– Рун?

Перекрывая первый шок, на него волнами набегали эмоции при виде истерзанного тела друга: *ярость* на тех, кто навлек подобное на *него*; *страх*, что спасти его уже не удастся; а еще изрядное *облегчение*. И оттого, что Рун вернулся, и оттого, что его состояние красноречиво свидетельствует: всех этих девушек в Риме убил и выпил не он.

Еще не все потеряно.

Полные муки темные зеницы открылись и закатились снова.

– Рун! – зывал Бернард. – Кто содеял это с тобой?

С трудом шевеля потрескавшимися губами, Рун пролепетал:

– Она идет. Она приближается к святому граду.

– Кто?

– Она ведет их к нам, – шепнул Рун. – Много стригоев. Идут сюда.

И, доставив это сообщение, рухнул без сил.

Подхватив Руна под коленями, Леопольд поднял его, будто ребенка. Изнуренное тело безвольно обвисло. Бернард понял, что от Руна в таком состоянии больше ничего не добьешься. Он так изможден, что одним вином его на ноги не поставить.

– Отнесите его на кушетку, – распорядился Бернард. – Предоставьте его мне.

Юный книжник повиновался, положив Руна на стоящую в покое небольшую софу.

Кардинал повернулся к Марио, глазевшему на него широко распахнутыми голубыми глазами. Приняв крест совсем недавно, тот ничего подобного и вообразить еще не мог.

– Ступайте с братом Леопольдом и отцом Амбросе. Поднимите тревогу и спешите ко входу в город.

Как только остальные покинули комнату, Бернард открыл небольшой холодильник под своим письменным столом, набитый напитками для гостей людского племени, но сейчас ему требовались не они. Пошарив позади этих бутылок, он нашел простой стеклянный сосуд, заткнутый пробкой. Каждый день кардинал наполнял его заново. Держать такое искушение под рукой возбранялось, но Бернард придерживался старого убеждения, что нужда умеряет грех.

Он принес бутылку к ложу Руна и откупорил ее. Источаемый ею пьянящий аромат заставил зашевелиться даже Корцу.

Хорошо.

Откинув голову Руна назад, Бернард открыл ему рот и влил кровь прямо в горло.

Рун содрогнулся от блаженства, хлынувшего алой струей в его черные жилы. Хотел воспротивиться, ощутив грех языком. Но перед взором замелькали воспоминания: его губы

на бархатном горле, нежная плоть, уступающая острым зубам. Кровь и видения унесли боль прочь. Он застонал от наслаждения, каждой фиброй своего существа чувствуя пульсирующие волны экстаза.

Его организм, лишенный этого удовольствия так давно, не желал от него отказываться.

Но восторг мало-помалу пошел на убыль, оставляя по себе лишь пустоту, бездонный колодец темных вожделений. Рун тщился набрать воздуха, чтобы заговорить, но, прежде чем сумел, тьма поглотила его. Уже исчезая во мраке, он молился, чтобы его преисполненное греха тело вытерпело надвигающуюся кару.

Рун проходил через монастырский травный огород, направляясь на утреннюю молитву. Помешкав, он позволил летнему солнцу согреть свое лицо. Длань его касалась соцветий лаванды, растущей вдоль гравийной дорожки, оставляя за собой волну деликатного благоухания. Он поднес осыпанные пылью персты к лицу, дабы насладиться ароматом.

И улыбнулся, припомнив отрочество.

В отчем доме сестра частенько корила его за то, что он мешкает в огороде, и смеялась, когда он пытался извиняться. Сестра любила донимать его, но всегда вызывала у него улыбку. Быть может, она придет повидать его в это воскресенье, неся пред собою круглое чрево, полное ее первым чадом.

Жирная желтая пчела копошилась, пробираясь среди

темно-лиловых цветков; еще одна приземлилась на то же соцветие. Оно согнулось под их весом, покачиваясь от ветерка, но пчелы не обращали внимания, усердно трудясь, уверенные, что занимают свое место в Господнем помышлении.

Первая пчела поднялась с цветка, полетев над кустами лаванды.

Рун знал, куда она направляется.

Следуя ее извилистым путем, он добрался до обросшей мхом стены в глубине сада. Пчела скрылась сквозь круглую дыру в одном из золотисто-желтых конических ульев, называемых сапетками, выстроившихся вдоль верхушки стены.

Рун сработал эту самую сапетку собственными руками в конце прошлого лета. Ему по душе был незатейливый труд сплетения соломы в косицы, скручивания их в спирали, превращающиеся в колоколообразные ульи. В таких простых задачах он находил покой и справлялся с ними на славу.

Брат Томас заметил то же самое.

– Твои проворные персты просто-таки созданы для подобной работы.

Прикрыв глаза, Корца вдохнул щедрый аромат меда. Его окружало звучное жуужжание пчел. Его ждала другая работа, но он постоял еще добрую минуту, наслаждаясь миром и покоем.

Придя в себя, Рун улыбнулся. Он и забыл этот момент. То

был срез иной жизни, многовековой старины, еще до того, как он обратился в стригоя, утратив собственную душу.

Он снова обонял роскошный сладкий запах меда с легким духом лаванды. Помнил тепло солнца на коже, когда солнечный свет еще не приносил боли. Но в основном думал о своей смеющейся сестре.

Он алкал той простой жизни – и понимал, что она уже никогда не вернется.

И с этим тягостным осознанием пришло другое.

Распахнув глаза, Рун ощутил вкус крови на языке и в упор посмотрел на Бернарда.

– Что вы наделали... это же грех.

Кардинал похлопал его по руке.

– Это *мой* грех, не твой. Я охотно приму сие бремя, дабы ты был одесную от меня в грядущей битве.

Рун лежал недвижно, постигая слова Бернарда, желая поверить им, но понимая, что так поступать было негоже. Сел, ощутив, что мышцы и жилы вновь окрепли. Большинство ран тоже затянулись. Он медленно набрал в грудь воздуха, чтобы утихомирить разбушевавшийся рассудок.

Бернард протянул руку, показав знакомый потертый серебряный серп.

Карамбит Руна.

– Если ты достаточно оправился, – произнес кардинал, – то можешь присоединиться к нам в предстоящем сражении. Дабы свершить возмездие тем, кто обошелся с тобой столь

жестоко. Ты упомянул женщину.

Рун принял оружие, отводя глаза перед пронизательным взглядом кардинала, слишком пристыженный, чтобы произвести сейчас хотя бы ее имя. Пальцем попробовал остроту лезвия.

Его похитила Элисабета.

Как же Бернард нашел его снова?

Тишину разрушил настойчивый звон набата.

Вопросы могут и подождать.

Бернард пересек покой в сполохе алой сутаны и снял со стены свой древний меч. Рун встал, удивленный тем, каким легким стал, испив крови, будто запросто мог взлететь. Он крепче ухватил собственное оружие, кивнул Бернарду, подтверждая, что достаточно окреп для сечи, и оба сорвались на бег. Промчались через сверкающие полированным деревом залы папских апартаментов и выскочили через их бронзовые передние двери на площадь.

Чтобы избегнуть взглядов горстки людей, оказавшихся на открытой площади, Рун вслед за Бернардом скользнул в сумрачное убежище колоннады Бернини, обрамляющей площадь. Массивные колонны тосканского ордера по четыре в ряд скроют их стремительное продвижение. Бернард присоединился к отряду других сангвинистов, в тени дожидавшихся кардинала. Всей группой они двинулись вдоль изгиба колоннады ко входу в Священный город.

Достигнув ограды высотой по пояс, отделяющей город-го-

сударство Ватикан от территории Рима, Рун окинул взглядом ближайшие кровли, по совместному видению с Элисабетой помня, как она перепрыгивала с крыши на крышу.

Отчаянный вопль автомобильного клаксона заставил его опустить взгляд к брусчатке улицы, ведущей сюда.

В пятидесяти ярдах от них небольшая женская фигурка бежала посредине Виа делла Кончилиационе, припадая на одну ногу. Хотя волосы у нее стали куда короче, Корца без труда признал Элисабету. Белый автомобиль резко вильнул, чтобы не наехать на нее.

Она даже бровью не повела, сосредоточившись на том, чтобы добраться до площади Святого Петра.

А следом за ней скакала и бежала дюжина стригоев.

Руна снедало желание выскочить из колоннады и ринуться к ней, но Бернард положил ладонь ему на руку, удержав на месте.

– Стой, – предупредил кардинал, будто прочел его мысли. – На этой улице и в домах люди. Они увидят сражение и обо всем узнают. Мы должны отстоять века секретности. Пусть бой сам придет к нам.

Следя за происходящим, Рун прочел боль по поджатым губам Элисаветы, по ее испуганным взглядам через плечо. Он помнил ту же панику, испытанную им, когда смотрел ее глазами.

Она не *ведет* эту свору – она *удирает* от нее.

Несмотря на все, что она учинила с ним и с невинными

жительницами города, он ощутил, как у него в груди вздымается волна инстинктивного желания заступиться за нее. Пальцы Бернарда сжали его плечо крепче – возможно, он ощутил, как Рун подался вперед, готовый ринуться на защиту.

Элисабета наконец добралась до конца улицы. Остальные стригои почти наступали ей на пятки. Не замедляя шага, она перескочила через низкий заборчик, обозначающий границы Ватикана, приземлившись в полуприседе лицом к рычащей своре. И ослабилась, с издевкой обнажив клыки.

– Доберитесь до меня, если посмеете.

Свора резко осадилась перед самым рядом столбиков забора. Пара-тройка упырей сделали осторожный шаг вперед и тут же отпрянули, ощутив подтачивающую их силы святость земли по эту сторону. Они хотели до нее добраться, но осмелятся ли вторгнуться в Ватикан, чтобы схватить ее?

Однако опасаться им здесь приходилось не только святой земли.

Отряд сангвинистов подстерегал их, стоя по обе руки от Руны и Бернарда недвижно, будто статуи среди колонн. Если стригои ступят в город, тварей увлекут в этот сумеречный лес камня и перебьют всех до единой.

Элисабета попятилась от забора, но слишком сильно оперлась на травмированную ногу, лодыжка все-таки не выдержала, и она рухнула на мостовую.

Этот признак слабости стал искусом, устоять перед кото-

рым стригои не смогли. Будто львы, набрасывающиеся на раненую газель, свора ринулась вперед.

Вырвавшись из хватки Бернарда, Рун выскочил на открытое место. Он мчался к Элисабете, повинувшись инстинкту, как и стригои. И подскочил к ней в тот самый миг, когда вожак стаи – исполин с узловатыми мускулами, покрытый черно-синими татуировками, – перескочив через забор, приземлился по другую сторону от графини, ощерив зубы.

Его примеру последовали другие стригои, хлынувшие через ограду.

Схватив Элисабету за руку, Рун начал отступать к колоннаде, волоча ее за собой в надежде заманить свору в каменный лес.

Вожак рявкнул приказ, и не в меру ретивый вурдалак устремился вперед.

Рывком одной руки Рун швырнул Элисабету к колоннаде, будто тряпичную куклу, а второй взмахнул своим карамбитом. Серебряный клинок рассек воздух, а затем плоть. Юный изверг отлетел прочь, зажимая рассеченное горло, пузырящееся утекающими кровью и воздухом.

Остальные стригои ринулись на отступающего Руна, чтобы у края колоннады напороться на Бернарда и остальных сангвинистов.

Между колоннами разыгралось короткое сражение. Впрочем, для своры, пойманной врасплох и ослабленной святой землей, это оказалось резней. Несколько тварей сумели вы-

рваться живыми, перепрыгнув забор и рассыпавшись по улицам, будто клопы, удирающие и от боя, и от солнца.

Рун оказался лицом к лицу с исполинским вожаком. На его голой груди была вытатуирована картина Иеронима Босха – адский пейзаж гибели и терзаний, оживший, как только мышцы упыря напряжились, поднимая тяжелый меч.

Оружие Руна казалось в сравнении со стальным клинком ничтожно малым.

Будто понимая это, великан глянул на противника со злобным пренебрежением и с ходу обрушил меч ему на голову, чтобы расцечь Руна пополам.

Но святость замедлила движения стригоя, дав Руну время поднырнуть под руку неприятеля. Повернув крюк карамбита вверх, он вспорол твари живот, а вслед за тем и гротескное полотно, после чего оттолкнул труп прочь.

Выпотрошенный гигант повалился к краю колоннады, в падении выставив одну руку на свет – на *солнечный* свет. Конечность тотчас вспыхнула. Другой сангвинист помог Руну утащить тело в тень и затушить пламя, пока оно не привлекло нежелательное внимание.

Несколько лиц обернулись к теням, но большинство прохожих даже не догадывались о стремительной кровавой битве под колоннадой. Глядя на солнечный свет, озаривший плазу, Рун ощутил в груди звенящий страх.

Элисабета...

Обернувшись, он увидел, что Бернард нависает над скор-

чившейся фигуркой, уткнувшейся лицом в землю. Она наверняка ощутила сияние нового дня, почувствовала его палящее прикосновение. Пока что единственное спасение для нее – лежать в спасительной тени колоннады. Шаг за ее пределы равнозначен для Элисабеты гибели.

Бернард схватил ее за плечи, будто собираясь вышвырнуть на площадь, на суд новому дню. Сангвинисты сгрудились вокруг него, источая запахи вина и ладана. Если кардинал надумает ее прикончить, никто его не остановит. Она привела стригоев в священнейший город Европы.

Бернард вцепился в ее короткие волосы, запрокинул голову назад и приложил клинок к ее мягкому белому горлу.

– Нет! – крикнул Рун, бросаясь вперед и расталкивая других.

Но клинок кардинала остановил вовсе не его крик.

07 часов 52 минуты

Потрясение буквально приковало Бернарда к месту – вкупе с крайним недоверием.

Он будто узрел призрака.

Она?! Не может этого быть.

Наверное, это игра света и теней, рассудок тешится иллюзией, видя невероятно похожую женщину-стригоя. И все же он узнал эти серебряные глаза, воронову черноту ее волос, даже негодующее, надменное выражение лица, когда клинок коснулся ее нежного горла, будто она бросала ему вызов,

подстрекая отнять у нее жизнь.

Графиня Элисабета Батори из Эчеда.

Но она погибла столетия назад. Бернард видел ее заточенной в ее собственном замке. Он даже навестил ее там однажды, сострадая этой просвещенной дворянке, поверженной во прах низменными похотями Руна.

Но вина за это преступление ложится и на плечи самого Бернарда. Столетия назад он сам направил ее на эту свирепую стезю, сведя графиню и Руна вместе в попытке по собственному произволу подстегнуть исполнение священного пророчества. После Бернард молил, чтобы отнять ее жизнь поручили ему, дабы избавить Руна от подобного деяния, зная, как тот ее любил, насколько низко пал ради нее. Но Папа решил, что положить конец ее противоестественной жизни, прикончить собственноручно порожденную бестию – часть епитимьи Руна.

Бернард тревожился, когда Рун вернулся из Венгрии. Тот утверждал, что дело сделано, что графиня покинула сей свет. Из его слов Бернард заключил, что она мертва, а не убрана, как кукла в ящик комода. В то время в качестве дополнительной кары Рун морил себя голодом не один год, умерщвлял свою плоть десятилетиями, затворившись от мира смертных.

Но, очевидно, он ее не убил.

Что натворил ты, сын мой? Какой грех свершил ты сызнова во имя любви?

Но как только ужас пошел на убыль, на его место пришло иное осознание, полное чаяний.

Раз Рун сжалился над ней, род Батори не оборвался, о чем Бернард горевал в последние месяцы. Он задумался о том, что из этого вытекает.

Неужели это знак Господень?

Неужели Бог действовал через Руна, дабы уберечь графиню для этой новой миссии?

Впервые с той поры, как Кровавое Евангелие донесло свою весть, бросив тень сомнения на роль доктора Эрин Грейнджер в качестве Женщины, умудренной Знанием, в груди Бернарда затеплилась надежда.

Графиня Батори еще может спасти их всех.

Бернард смотрел на ее прекрасное лицо в раздумье, до сих пор не веря в это чудо, в эту внезапную улыбку судьбы. И ухватился за ее волосы покрепче, не желая расставаться с этой единственной надеждой.

Нельзя позволить ей скрыться.

Обок него появился Рун. Его пошатывало от снова навалившейся слабости. Даже этот коротенький бой быстро истощил пламя, разожженное в нем кровью.

И все же...

– Задержите его, – приказал Бернард остальным, опасаясь того, что может натворить Корца. Неведомо, что творится в сей момент на сердце у друга. Убьет ли он ее, спасет ли или попытается позорно бежать вместе с ней?

Не знамо.

Лишь одно Бернард знал наверняка: что будет защищать эту нечестивицу всеми доступными средствами.

Она нужна ему.

Мир нуждается в ней.

Должно быть, графиня прочла эту уверенность по его глазам. Ее безупречные губы изогнулись в улыбке – коварной и порочной.

Помоги нам Бог, коли я заблуждаюсь.

Часть II

*За то, что они пролили кровь святых и пророков,
Ты дал им пить кровь: они достойны того.*
Откр. 16:6

Глава 12

*19 декабря, 10 часов 11 минут по центральноевропейско-
му времени*

Рим, Италия

Эрин делила заднее сиденье красного «Фиата» с Джорданом. Христиан сел впереди, рядом с водителем. Высунув голову в окно, сангвинист разговаривал со швейцарским гвардейцем в темно-синем мундире и берете. На одном плече у юноши, охраняющего ворота Святой Анны – один из боковых въездов в Ватикан, – висел автомат.

Обычно охрана не вооружается столь откровенно.

С чего бы такие повышенные меры безопасности?

Кивнув, гвардеец отступил и взмахом дал знак, что автомобиль может проезжать.

Христиан что-то прошептал водителю, и они въехали в Священный город, миновав малахитово-зеленую железную арку. Как только машина снова пришла в движение, Христи-

ан снова поднес телефон к уху, сидевший там, как приклеенный, с той самой поры, как чартерный самолет приземлился в миниатюрном римском аэропорту Чампино. Водитель, уже поджидавший в неброском «Фиате», домчал их до ворот Ватикана за считанные минуты.

Джордан на заднем сиденье держал Эрин за руку, глядя из окна автомобиля, проехавшего банк и почту Ватикана и свернувшего за громаду базилики Святого Петра.

Эрин разглядывала античные строения, воображая секреты, скрытые за их яркими штукатурными фасадами. Будучи археологом, она привыкла вскрывать истину слой за слоем, но, открыв существование стригоев и сангвинистов, постигла, что в истории есть слои даже более глубинные, чем она могла раньше вообразить.

Но один вопрос занимал ее рассудок более всего.

Джордан высказал его вслух:

– Куда Христиан нас везет?

Ей это было не менее интересно. Она-то думала, что они направятся напрямиком в папскую резиденцию для встречи с кардиналом Бернардом в его кабинете, но вместо того автомобиль направился дальше, на территорию позади базилики.

Эрин подалась вперед, прервав разговор Христиана по телефону. Она слишком устала, чтобы держаться любезно, и испытывала раздражение из-за нескончаемых уверток и отговорок по пути сюда.

– Куда мы направляемся? – спросила женщина, тронув

сангвиниста за плечо.

– Почти приехали.

– Куда? – не уступала она.

Христиан указал своим телефоном куда-то вперед.

Эрин пригнулась пониже, чтобы лучше видеть приближение к зданию из белого итальянского мрамора с красной черепичной кровлей. Проложенные позади рельсы говорили о назначении строения.

Это Стационе Ватикано – одна-единственная станция на Ватиканской железнодорожной линии. Построена во время правления папы Пия XI в начале 1930-х. Сегодня используется по большей части для доставки импортных грузов, хотя несколько последних пап изредка совершали церемониальные поездки отсюда за границу на специальном папском поезде.

Эрин увидела, что именно этот поезд как раз сейчас стоит на рельсах.

Три лиственнно-зеленых вагона выстроились позади черного старинного паровоза, разводящего пары. В другой раз она бы пришла от этого зрелища в восторг, но именно сейчас ее донимала лишь одна настоящая забота: участь Руна. За время полета другие видения ее не настигали, и она боялась того, что это может означать для Корцы.

Подъехав прямо к платформе, «Фиат» остановился. Христиан распахнул свою дверцу, увлекая Джордана и Эрин за собой. По-прежнему с телефоном возле уха, сангвинист про-

водил их на платформу. Он сменил свой изодранный мундир на пасторскую рубашку и черные джинсы. Этот наряд подходил ему куда больше.

Дойдя до поезда, Христиан наконец опустил телефон и с озорной улыбкой указал на средний вагон.

– Все на борт!

Эрин оглянулась на купол базилики.

– Я не поняла. Мы уже уезжаем? А как же Рун?

Изящный сангвинист пожал плечами.

– Касательно этого мне известно ничуть не больше, чем вам. Кардинал просил, чтобы я привез вас обоих сюда и посадил на поезд. Он должен отправиться, как только мы сядем.

Джордан положил свою теплую ладонь ей сзади на талию. Эрин оперлась на нее, радуясь прикосновению чего-то знакомого и понятного.

– А чего ж ты еще ждала от Бернарда? – заметил он. – Если посмотришь в словаре на «необходимость знать», то найдешь там его ухмыляющуюся физиономию. Этот субъект обожает свои секреты.

И эти секреты навлекают на людей погибель.

Эрин пощупала янтарный шарик в кармане джинсов, представив робкую улыбку Эмми под солнцем пустыни.

– Пока что, – сказал Джордан, – мы вполне можем поступить, как просит кардинал. И если нам не понравится то, что он поведает, мы всегда можем пойти на попятную.

Эрин кивнула. На Джордана всегда можно рассчитывать, он непременно предложит самый практичный способ. Она поцеловала его в щеку, чувствуя, как щетина колет губы, а потом присовокупила ласковый поцелуй в губы.

Подойдя к двери вагона, Христиан распахнул ее.

– Дабы не привлекать ненадлежащего внимания, Ватикан распространил легенду, что поезд перегоняют на техобслуживание в депо в окрестностях Рима. Но чем быстрее мы тронемся, тем отраднее мне будет.

Не видя особого выбора, Эрин вслед за Джорданом вскарабкалась по металлической лесенке. И ступила в роскошный вагон-трапезную. Каждое окно обрамляли подвязанные золотые бархатные занавески, и интерьер буквально сиял утренним солнцем – от масляно-желтого потолка до шикарных дубовых панелей. Воздух благоухал лимонной политурой и старым деревом.

– Похоже, папа знает толк в путешествиях, – присвистнул Джордан. – Единственное, что могло бы сделать эту картину еще лучше, – дымящийся кофейник на одном из этих столиков.

– Поддерживаю, – кивнула Эрин.

– Присаживайтесь, – пригласил Христиан, обгоняя их, и взмахом указал на накрытый столик. – Я позабочусь, чтобы ваши желания осуществились.

Он направился в переднюю часть вагона, а Эрин тем временем нашла местечко, залитое солнцем, и села, наслажда-

ясь теплом после гонки через озябший город. Погладила пальцем белую льняную скатерть. Столик был накрыт на четверых серебряными тарелками и тончайшим фарфором, украшенными гербом Святого Престола.

Прежде чем сесть рядом, Джордан как мог разгладил свой синий парадный мундир, постаравшись придать ему презентабельный вид. И все равно Эрин заметила в его взгляде холодные искорки настороженности, когда он поглядывал в окна, не теряя бдительности, хоть и старался этого не выказывать.

Наконец Стоун уселся.

– Надеюсь, кормежка здесь получше, чем в этой хипповской забегаловке, куда Христиан таскал нас в Сан-Фране. Веганские блюда? В самом деле? Я из тех, кому подавай мясо с картошкой. И в моем конкретном случае весы склоняются к *мясной* части уравнения.

– Это же Италия. Что-то мне подсказывает, что с кухней тебе может повезти.

– Вот уж воистину! – раздался сзади новый голос, донесшийся от дверей вагона.

Напуганный Джордан чуть не подскочил со стула, чтобы развернуться на сто восемьдесят градусов, но даже он узнал легкий немецкий акцент в этих нескольких словах.

– Брат Леопольд! – воскликнула Эрин, обрадованная и встрече с этим монахом, и подносу у него в руках с кофе и всем причитающимся.

Она не виделась с этим немецким монахом со дня, когда тот спас ей жизнь. Он выглядел ничуть не переменившимся – те же очки в металлической оправе, та же простая сутана, та же мальчишеская улыбка.

– Отриньте страх, завтрак будет подан с минуты на минуту. Но прежде, – Леопольд приподнял поднос, – как уведомил Христиан, вы оба отчаянно нуждаетесь в дозе кофеина после долгого путешествия.

– Если под *дозой* вы имеете в виду полный кофейник, то вы правы, – улыбнулся Джордан. – Рад видеть тебя снова, Леопольд.

– Как и я вас.

Монах хлопотал вокруг стола, наполняя их фарфоровые чашечки дымящимся коричневым напитком, распространяющим аромат хорошо прожаренного кофе. Поезд тронулся, тембр звука паровой машины стал выше.

Снова объявившийся Христиан занял место напротив Эрин, подчеркнуто уставив взгляд на исходящую паром чашку у нее в руках.

Она, уже познакомившись с его замашками, протянула ему белую фарфоровую чашечку. Поднеся ее к носу, Христиан закрыл глаза и глубоко вдохнул ароматный пар. По лицу его разлилось выражение удовольствия.

– Благодарю вас, – произнес он, возвращая чашку обратно.

Как новообращенный сангвинист, он еще не успел окон-

чательно отрешиться от простых мирских радостей вроде кофе. Эрин это было по душе.

– Есть новости? – поинтересовался у него Джордан. – Скажем, куда мы направляемся?

– Мне было сказано, что как только мы покинем пределы Рима, то узнаем больше. А тем временем я бы посоветовал насладиться покоем.

– Вроде как *перед бурей*? – вставила Эрин.

– Весьма вероятно, – хмыкнул Христиан.

Похоже, Джордана этот ответ вполне удовлетворил. За время пути сюда они с Христианом успели стать закадычными друзьями, что весьма необычно, учитывая неприязнь и недоверие Джордана к сангвинистам с той поры, как Рун укусил Эрин.

Вереница вагонов неспешно покидала станцию. Поезд направлялся к стальным воротам, врезанным в массивные стены вокруг Священного города и перегораживающим пути в паре сотен ярдов впереди. Ворота, усеянные заклепками и крупными дверными гвоздями, выглядели так, будто предназначены для обороны средневекового замка.

Раздался паровозный свисток, и створки ворот величественно отъехали, уходя в кирпичные стены, обозначающие границу между Ватиканом и Римом.

Пройдя сквозь арку ворот в облаке пара, поезд набрал ход, направляясь в Рим. Он шел через город, как самый обычный поезд – вот только длиной всего в три вагона: спереди кухня,

посередине трапезная, а сзади спальня. С виду последний вагон ничуть не отличался от остальных, но шторы в нем были задернуты, и от других его отделяла массивная железная дверь.

Глядя на эту дверь теперь, Эрин пыталась игнорировать все более настойчиво сосущее под ложечкой ощущение тревоги.

Что там, позади?

– А! – воскликнул брат Леопольд, отвлекая ее внимание на себя. – Как и обещано... завтрак.

Из кухни появилась новая фигура – столь же знакомая, как и Леопольд, хотя и не столь желанная.

Отец Амбросе – помощник кардинала Бернарда – вышел из кухонного вагона с подносом омлетов, бриошей, масла и джема. Круглое лицо святого отца, еще краснее обычного, взмокло то ли от пота, то ли от пара на кухне. Роль официанта явно пришлась ему не по нутру.

– Доброе утро, отец Амбросе, – сказала Эрин. – Чудесно увидеть вас снова.

Она из кожи вон лезла, чтобы слова эти прозвучали искренне.

Амбросе даже утруждаться не стал.

– Доктор Грейнджер, сержант Стоун, – бросил он подходя, чуть склонив голову в сторону каждого из них.

Разгрузив поднос, священник снова удалился в кухонный вагон.

Беседа его явно не интересует.

Эрин на миг задумалась, означает ли его присутствие, что кардинал Бернард уже в поезде. И снова бросила взгляд на стальную дверь, ведущую в соседний вагон.

Джордан рядом с ней просто-таки набросился на свой омлет, словно опасался, что в ближайшие дни пищи даже не увидит, – что, учитывая их прошлый опыт общения с сангвинистами, вполне может соответствовать истине.

Последовав его примеру, Эрин намазала бриошь джемом.

Христиан внимательно наблюдал за происходящим с завистливым видом.

Ко времени, когда их тарелки опустели, поезд уже покидал Рим, направляясь, судя по всему, на юг от города.

Ладонь Джордана снова отыскала ее руку под столом. Эрин кончиками пальцев погладила его ладонь, радуясь вызванной этим улыбке. Как ни пугала ее мысль об этих взаимоотношениях, пойти на такой риск ради Джордана она готова.

Но определенная неловкость между ними сохранилась. Как Эрин ни старалась воспротивиться, мысли ее то и дело обращались к тому моменту, когда Рун укусил ее. Ни один смертный не мог заставить ее почувствовать подобное. Но этот акт ровным счетом ничего не значил и был продиктован чистой необходимостью. Возможно, это блаженство до мозга костей – просто уловка, с помощью которой стригои лишают жертвы воли, делают их слабыми и беспомощными.

Эрин поймала себя на том, что помимо воли подняла руку и коснулась пальцами шрамов на шее.

Ей хотелось расспросить об этом кого-нибудь. Но кого? Уж конечно, не Джордана. Она подумывала, не поговорить ли с Христианом, поинтересоваться, что он чувствовал, когда его укусили впервые. Тогда, в закусочной в Сан-Франциско, он будто бы ощутил ее мысли, но она чуждалась мысли обсудить столь эротические переживания с кем бы то ни было, а уж со священником и подавно.

И все же нерешительность ее сводилась не только к смущению.

Эрин знала, что частичкой души сторонится истины.

Что, если ощущение взаимосвязи, испытанное тогда, — лишь механизм усмирения добычи? А что, если нечто иное?

10 часов 47 минут

Рун пробудился от ощущения тревоги и паники. Руки его вскинулись вверх и в стороны, ожидая наткнуться на каменные стены, смыкающиеся вокруг.

И тут память вернулась.

Он свободен.

Слушая перестук стальных колес на рельсовых стыках, Корца вспомнил сражение на краю Священного города. Он получил незначительные ранения, но, что хуже всего, бой истощил последние капли сил, снова повергнув его в состояние немоги. Кардинал Бернард настоял, чтобы он отдыхал

до прибытия Эрин и Джордана.

Прямо сейчас Рун слышал биение людских сердец – мягкий рокот их литавр стал знаком его острому слуху, как любая песня. Он провел ладонями по телу. На нем сухая сутанна, амбре старого вина исчезло. Он осторожно сел, мысленно исследуя каждый позвонок хребта.

– Осторожно, сын мой, – произнес Бернард из темноты железнодорожного вагона. – Ты еще не поправился до конца.

Как только глаза Руна приспособились к темноте и сфокусировались, он узнал папский спальный вагон, оборудованный двуспальной кроватью, на которой он сейчас и лежал. Здесь же находился небольшой письменный стол и пара стульев с шелковой обивкой по обе стороны от кушетки.

Он углядел знакомую фигуру, стоящую позади Бернарда у его постели. Кожаные доспехи, подогнанные по фигуре, пояс из серебряных колец, черные волосы заплетены в тугую косу, строгие суровые черты смуглого лица.

– Надия? – прохрипел он.

Когда она подросла?

– Добро пожаловать в стан живущих, – с лукавой усмешкой проронила Надия. – Вернее, насколько может быть *живущим* любой сангвинист.

Рун потрогал лоб.

– Давно?..

Его перебила еще одна персона, обнаружившаяся в комнате. Она раскинулась на кушетке, вытянув ногу в наложен-

ных на нее лубках. Рун вспомнил ее хромоногое бегство по брусчатке в сторону Священного города.

– *Helló, az én szeretett,* – проворковала Элисабета по-венгерски, и каждый слог был ему знаком, будто слышанный только вчера, а не сотни лет назад.

«Здравствуй, возлюбленный мой».

Но тепла в ее словах не было, только презрение.

Элисабета перешла на итальянский – правда, на старинный диалект.

– Чаю, что ты не нашел краткое пребывание в моей темнице чрез меру обременительным. Однако же ты отнял мою жизнь, погубил мою душу, а затем похитил у меня четыре сотни лет. – Ее серебряные глаза сверкнули из темноты на него. – Посему я сомневаюсь, что кара тебе была вполне достаточной.

Каждое слово ранило Руна своей правдой. Именно он учинил все это с нею, с женщиной, которую любил, да и теперь любит, пусть лишь память о ее былой сущности. Он протянул руку к своему наперсному кресту, нашел висящий на шее новый и помолился о прощении этих грехов.

– Был ли Христос большим утешением для тебя в эти последние сотни лет? – спросила она. – Ты не выглядишь много счастливее, нежели в моем замке столетия назад.

– Мой долг – служить ему, как всегда.

Один уголок ее рта изогнулся в полуулыбке.

– Ты дал мне политичный ответ, отец Корца, но разве не

обещали мы некогда говорить друг другу правду? Ужели не задолжал ты мне хотя бы этого?

Он задолжал ей не в пример больше.

Надия бросила на Элисабету испепеляющий взгляд неприкрытой ярости.

– Не забывай, что она оставила тебя в этом гробу на мучения и смерть. И обо всех женщинах, убитых ею на улицах Рима.

– Такова теперь ее природа, – ответил Рун.

И такой ее сделал я.

Он извратил ее из целительницы в губительницу. Все ее преступления на его совести – и прошлые, и нынешние.

– Мы способны возобладать над собственной природой, – возразила Надия, прикоснувшись к изящному серебряному крестiku на шее. – Я умиряю свою повседневно. Как и ты. Она вполне способна на то же самое, но предпочитает этого не делать.

– Я никогда не изменюсь, – посулила Элисабета. – Тебе надлежало просто убить меня в моем замке.

– Так мне и было приказано, – сказал он ей. – Я спрятал тебя из милосердия.

– У меня мало веры в твое милосердие.

Она поерзала на своем ложе, подняв скованные руки, чтобы отвести прядь волос со лба, прежде чем снова положить их на колени. Рун увидел, что она в наручниках.

– Довольно, – Бернард сделал жест в сторону Надии.

Та подступила к кушетке и без особых церемоний вздернула Элисабету на ноги. Надия держит ее крепко. Она не станет недооценивать Элисабету, как он, когда извлек ее из ванной ванны.

Графиня лишь усмехнулась, выставив свои наручники Ру-ну напоказ.

– Заковали меня в кандалы, аки зверя, – сказала она. – Вот что даровала мне твоя любовь.

10 часов 55 минут

Начав с одного конца вагона-трапезной, Леопольд продвигался к противоположному, делая что приказано – задерживая шторы на одном окне за другим достаточно плотно, чтобы через них не пробился даже лучик солнца.

В вагоне сгустился сумрак, разгоняемый лишь потолочными светильниками. Перед дверью последнего вагона Леопольд помедлил.

Два человеческих сердца забились громче. Он чуял тревогу, исходящую от них, как испарина. В груди его болью шелохнулась жалость.

– Что вы делаете? – спросила Эрин.

Да, она не дура. Судя по взглядам, которые эта женщина бросала то на стальную дверь, то на закрытые окна, она уже ощутила, что сюда должны привести что-то опасное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.